

MD
44.787

Иштван Камараш

За мной, читатель!

/Восприятие, трактовка и эффект романа "Мастер и Маргарита в Венгрии: литературно-социологическое исследование/

/Обобщение/

OSZK
Országos Széchényi Könyvtár

Государственная Библиотека им. Сечени

Центр Библиотекведения и Методической Работы

1984, Будапешт

OSZK

Országos Széchényi Könyvtár

З А М Н О Й , Ч И Т А Т Е Л Ы !

/Восприятие, трактовка и эффект романа "Мастер и Маргарита в Венгрии: литературно-социологическое исследование/

/Обобщение/

1. ВСТУПЛЕНИЕ

Это исследование являлось составной частью ведущейся в то время /в 1978 г./ уже десять лет в лаборатории по исследованию чтения Центра Библиотекосведения и методической работы, серии исследований, целью которых было рассмотрение связей между читателем и литературой.

Роман Булгакова, даже по нескольким аспектам, мы считаем замечательной возможностью для рассмотрения формирования впечатления о читаемом, трактовки литературного произведения, его оценки и эффекта, в первую очередь, социологическими и социал-психологическими методами. По крайней мере таким же подходящим этот роман казался для исследования сознания, а также предрасположений /направленности/ и мнений, относящихся к вопросам мировоззрения, философии, политики и морали, этот роман, несмотря на всю его необычность, является настоящим удобочитаемым произведением, т.к. а/ в нем есть действие, напоминающее одновременно и богатый событиями, волнующий детектив, и приключенческий роман; б/ в нем участвуют герои, подходящие для отождествления и осуждения; в/ в нем есть полнокровный юмор, комичность ситуаций, которые могут удовлетворить и потребность в развлечении; г/ он предлагает также и интересные, полезные информации как о древнем мире, так и о недавнем прошлом; д/ разные направления его сюжета встречаются и он заканчивается "успокоительно". Естественно, наряду с тем, что произведение Булгакова является настоящим чтивом, оно необыкновенно, поскольку а/ его подход к ценностям и, в связи с этим - символика - сложные. б/ оно имеет несколько сюжетных и смысловых планов; в/ оно требует воспроизведения знаний по философии, мифологии и литературе; г/ его обращение с хронологией отличается от привычного; д/ комичность ситуаций, их трансцендентность, иронический взгляд на вещи и реализм для большинства его читателей представляет довольно непривычный состав текста.

Этот роман мы считали пригодным для того, чтобы, исследуя его выбор, чтение, оценку, трактовку и эффект а/ лучше, чем до сих пор познакомиться с сосредотачивающимися на том или ином тексте, плане, герое, моменте, достоинстве и т.д. /или упрощающими их/ более дифференцированными реакциями читателей, для получения новых сведений о различных уровнях эстетического влияния; б/ изучить остающееся на уровне фактов, эмоционально-отождествляющее и дополняющее суммированием анализ, чтение; в/ приобрести новые и более глубокие информации о системе читателей по отстранению проблем; г/ попытаться определить меняется ли миропонимание читателя при чтении этого романа, или же влияние ценностей этого произведения нейтрализуется читательскими стереотипами? д/ обнаружить роль содержания в себе и заинтересованности читателя в оценке и трактовке произведения /предположим, что отдельные читатели и читательские слои, вследствие их общественной практики, жизненного пути, мира впечатлений и стоимостной системы, чувствуют это произведение более важным, более актуальным и обращаются к ним/; е/ наблюдать формирование впечатления, приспособляемого к предыдущим впечатлениям от чтения.

Изучая распространение и прием этого романа в Венгрии, мы хотели узнать: а/ когда, в скольких изданиях, каким тиражом и в какой форме /внешний вид, иллюстрации, послесловия и т.д./ был издан этот роман; б/ какой была и какова в настоящий момент доступность его в библиотеках; в/ как он был принят отечественной и заграничной критикой; г/ приблизительно, какое количество и какой состав читал эту книгу в Венгрии; д/ как была принята эта книга; из посещающих библиотеку в один период /во второй половине 1978 года/, кто и почему выбирал ее своим чтением и, насколько они были довольны своим выбором.

MD 44.787

Во время исследования приема этого романа, мы планировали изучить, насколько это позволили упрямо сопротивляющаяся тайна этого явления, а также наши довольно узкие рамки и возможности: а/ "состояние до" восприятия /впечатления, полученные от читаемого, предшествующего чтению этого романа, состав читаемых книг, читательская направленность, миропонимание и стоимостная система;/ б/ "состояние во время" восприятия /формирование направленности читателя, трактовки, оценки и эффекта произведения;/ в/ "состояние после" восприятия /трактовку, оценку и эффект этого произведения у тех читателей, которые читали книгу в период исследования и у тех, которые прочли ее за много лет до него/.

При составлении нашего образца мы стремились к тому, чтобы в нем, в максимальном количестве, были представлены "спонтанные читатели" этого романа, для этой цели мы вели службу наблюдения в нескольких массовых библиотеках. Почти 150 собранных таким образом читателей мы дополнили квалифицированными рабочими, студентами институтов и университетов, занимающихся на факультете венгерского языка и литературы, технической интеллигенцией, учащимися средних школ, религиозными читателями /учащимися средних школ, университетов и молодой интеллигенцией/. Помимо образца, насчитывающего 255 человек /с которыми мы, после прочтения романа, провели двухчасовое анкетное интервью/ мы организовали и три подгруппы: а/ подгруппу, состоящую из 117-ти молодых читателей, учащихся в государственных и церковных гимназиях и школах рабочей молодежи, для исследования восприятия первой главы романа; б/ подгруппу, состоящую из 38-ми гимназистов и студентов литфака для изучения процесса чтения; в/ подгруппу, состоящую из 30-ти квалифицированных рабочих, учащихся и работников умственного труда для исследования понимания и трактовки 24-ой главы романа.

П. ПРИЕМ ВОЛАНДА В ВЕНГРИИ

Роман "Мастер и Маргарита" до сих пор /до 1984 года/ в Венгрии был издан семь раз^х, в общем в 315 тысячах экземпляров. В этой стране такой тираж бывает только у "бестселлеров". Этот роман Булгакова вышел большим тиражом, чем, поддерживаемые успехом телевизионных передач, книги "Корни" /по роману Джели/ "Мотылек", "Мост над рекой Квай", "Цветы Алжернону", "22-ая западня", "Хладнокровно".

Спустя два года после первых английского, итальянского и норвежского изданий этот роман в 1969 году выходит в Венгрии в 5600 экземплярах. Разыскивая причины относительно быстрого, но вышедшего в намного меньшем требуемого количестве экземпляров издания - анализируя также и мотивировку двух, излагающих противоречивые мнения, лекторов - автор находит их в осторожной политике просвещения.

После следующих трех малотиражных изданий, в 1975 году, произошел прорыв, когда это произведение вышло в 40.000 экземпляров, а в 1978 году - уже в 148.000 экземпляров - в серии "Золотой фонд мировой литературы", с послесловием того Пала Е.Фехер, который - правда, спустя три года после издания книги в Венгрии - на страницах газеты "Нэпсабадшаг", являющейся органом печати Коммунистической партии, удостоил его похвалы, с тонкими оговорками /задав такие вопросы: "Можно ли считать Булгакова советским писателем? Можем ли мы считать его социалистическим художником?/, а в заключение обратился к читателю с просьбой "не допустить, чтобы искоса поглядывающие, мнительные личности завладели Булгаковым" и повторил цитируемое из Фадеева предложение "... если он не все видел так, как оно было на самом деле, то в этом нет ничего удивительного: хуже было бы, если бы он фальшивил".

^х Один раз в Румынии на венгерском языке. Часть этого издания поступила в продажу в Венгрии.

Венгерская критика в общем благоприятно приняла этот роман, отвергающих его мнений не было, в превосходной степени его хвалили несколько критиков, однако существенных разборов, из дюжины сочинений, было всего два-три, поэтому было написано и несколько довольно основательных и оригинальных разборов произведений, предназначенных для целей исследования, среди которых выдающимися являются работа Ласло Нишбали и Илоны Ниш, но разборы Петера Сэнте, Идита Барабаш и Шандора Радноти также обогащают фонд специальной литературы, относящейся к этому роману.

В 1973 году, когда были доступны еще только 40 тысяч экземпляров этого романа, но в библиотеках его можно было получить уже без особых затруднений, "Мастера и Маргариту" прочитала одна пятая часть посетителей массовых библиотек. 40.000 экземпляров и 200.000-300.000 читателей позволяют хорошо ошутить частично то, насколько успешным или модным был этот роман в первые годы после его появления в Венгрии, частично то, насколько недостаточной была пропаганда этого романа в эти годы.

Роман "Мастер и Маргарита" в Будапеште можно найти в каждой пятой, в меньших городах - в каждой десятой и в селах - только в каждой тридцатой квартире и семье. В каждой второй семье этот роман имеется там, где каждый активно зарабатывающий член семьи относится к интеллигенции, но там, где активно зарабатывающими являются работники физического труда - только в каждой пятнадцатой семье и только в каждой шестнадцатой - где зарабатывающие - сельскохозяйственные рабочие.

Занимаюсь я и вопросом адаптации этого романа в Венгрии: написанной в 1972 г., но транслированной только в 1976 году радиопьесой и ее инсценированным вариантом. Было проведено интервью с пятьюдесятью зрителями, а также имелась возможность для сопоставления мнений театральных зрителей, уже читавших этот роман и зрителей, которым этот роман не известен.

Взяв за основу сопоставления индексы успеха^{xx}, прием романа в 1973 г. среди посетителей массовых библиотек выглядит следующим образом:

	% читателей	Индекс абсолютного успеха	Индекс относительного успеха
Посетители массовых библиотек, из них:			
женщины	22	1,02	- 0,33
мужчины	20	0,90	- 0,45
15-19-летние	17	1,20	- 0,01
20-29-летние	26	1,25	+ 0,07
30-39-летние	21	0,90	- 0,36
40-49-летние	22	0,69	- 0,53
50-59-летние	20	0,63	- 0,55
старше 60-ти лет	20	0,70	- 0,75
сельскохозяйственные рабочие	18	0,88	- 0,42
чернорабочие	15	0,85	- 0,39
квалифицированные рабочие	22	1,06	- 0,16
административные работники	25	1,03	- 0,16
прочие, недипломированные работники умственного труда	28	0,94	- 0,24
учащиеся средних школ	19	1,40	+ 0,20
учащиеся ПТУ	17	0,75	- 0,39
студенты вузов	50	1,57	+ 0,56
педагоги и гуманитарная интеллигенция	28	0,87	- 0,29

^x Юлия В.Кульчар - Петер Манди: Книги дома. Будапешт, 1983 г.

инженеры	24	1,23	+ 0,12
прочая интеллигенция	38	1,31	- 0,63
домохозяйки	25	0,61	- 0,63
окончившие от 1 до 7 классов начальной школы	19	0,66	- 0,65
окончившие 8 классов начальной школы	20	0,85	- 0,37
располагающие аттестатом зрелости /без учащихся средних школ/	24	1,01	- 0,17
окончившие вузы	29	1,04	- 0,10

Читателю может показаться ошеломительным довольно большое расхождение между оценкой педагогов и учащихся. Зная также и данные, относящиеся и к другим произведениям, указанным в "Конфигурации впечатлений", можно рискнуть, предположив, что значительная часть педагогов менее восприимчива к определенным эстетическим ценностям, чем учащиеся. Суждения 20-29-летних квалифицированных рабочих, имеющих законченное среднее образование, также сильно отличаются от суждений их сотрудников, одинакового с ними возраста, но более низкого образования и в этом отношении находятся ближе к работникам умственного труда.

Было бы справедливым, предположить, что в первые годы роман получил иную оценку, чем пять-шесть лет спустя, хотя бы и потому, что большинство более падких на новинки и осведомленных читателей, вероятно, приобрело эту книгу в первый период ее появления. Различия, все же, являются не значительными, индексы успеха исследований 1973-1978 гг. показывают всего лишь малозначачие отклонения. Естественно, минимальное расхождение между индексами, указывающими на успех, не обязательно означает то, что этот роман нравился венгерским читателям в 1980 году также, как и в 1970-ом, т.к. за этот период значительно изменилась "позиция истории чтения" этого романа, с тех пор о нем вышли десятки трудов, популярная певица поп-музыки Жужа Конц поет о Маргарите, читатель романа может досадовать, или радоваться его инсценировке, поставленной режиссером Кароём Назимиром, он может разбираться на уроках в школе, в кружках, на семинарах, фигурировать в викторинах, ведущихся в телевизионных программах и ораториальных играх. Все чаще читатель современной венгерской литературы с середины семидесятых годов мог встречаться со стихотворениями, посвященными Булганову, или же тематически связанными с Мастером и Маргаритой.

Вероятно, что и место, занимаемое романом в конфигурации впечатлений, несколько изменилось в течение полутора десятилетий, т.к. сегодня этот роман входит в иной круг читаемых книг и впечатлений, чем это было десять лет тому назад. На основании его, более чем десятилетней карьеры в Венгрии, мы можем сказать, что Воланд очаровал венгерских читателей тоже, но не так, как Чиполла, а своей критикой и достоинствами, позволяя читателю вести себя естественно и противоречить ему. Чем и каким видели его венгерские читатели, как они отвечали на его вопросы, это уже не может представлять тему настоящего сочинения, которое в первую очередь было предназначено для доказательства того, что этот роман заполнял пробел и удовлетворял запросы. Он проник в такие широкие круги, что сегодня уже только один "абрикосовый сироп", "несгораемая рукопись" и "пролитое подсолнечное масло" стали почти поговорками.

xx Основа вычисления индекса абсолютного успеха: фигурирует со значениями +2 - "очень понравился", +1 - "понравился", -2 - "не понравился".
 Подробное описание см. на стр. 24 "Конфигурации впечатлений". Индекс относительного успеха указывает на то, как оценивает читатель данное произведение по сравнению с остальными книгами, соответственно этому этот показатель имеет знак "-" и "+". Подробное описание см. на стр.
 "Конфигурации впечатлений".

Ш. ТРАНКТОВНА РОМАНА "МАСТЕР И МАРГАРИТА"

Приняв тот тезис, согласно которому область трактуемости всегда определяется и конкретной смысловой композицией художественного произведения, то невозможно, чтобы каждая из совершенно противоречащих друг другу трактовок была действительной. И все же, среди собранных, почти, ста двадцати трактовок специалистов и четверти-полсотни трактовок читателей "профанов", встречается приличное количество и противоречащих друг другу, иначе говоря, в обеих группах читателей /"профанов" и "профессионалов"/ мы можем обнаружить и много всевозможных /но неодинаково/ действительных, а также значительное количество разных неадекватных трактовок /если угодно, превратных толкований/.

Это исследование не сопоставляет с единственной, считаемой правильной и по хронологии, последней трактовкой романа все остальные, но оно не отказывается окончательно и от раскрытия "чтений, верных книге".

1/ Полемика о жанре

Среди более сотни специалистов^х были и такие, относительно немногие - всего одиннадцать - которые это произведение зачислили в единственную жанровую категорию: четверо считали его сатирой, также четверо - мениппессой /т.е. мениппеской сатирой/, двое - пародией, столько же - фантастической сказкой, а по одному специалисту считали его историческим романом с вымышленными действующими лицам и научной фикцией. Намного характернее являются такие определения или перефразировки, как полемическая пародия, мистический фантастический роман, ироническая буффонская опера, трагический гротеск, смесь юмора и лирики, фантастический - реалистический - сатирический - философский роман, сатирический - сентиментальный - романтический - исторический - приключенческий - оккультный - метафизический роман^{хх}.

Частота повторяемости элементов, фигурирующих в определениях жанра, сложилась следующим образом:

сатира	32
фантастический	22
философский	20
юмористический	11
приключенческий	
/гротескный/	8
исторический, с вымышленными дей- ствующими лицами и аллегория	7
пародия	3
трагедия	2
сюрреалистический	2
приключенческий	
/пикареск/	2
занимательный	2
символический	2

^хУдалось собрать трактовки и разборы 25 венгерских, 21 советского, 17 английских, американских и канадских, 12 польских, 8 из ФРГ, 7 норвежских, по 4 французских и финских, по два из ГДР, датских, венгерских, проживающих на территории Румынии, по одному чешских, итальянских и югославских литературоведов и критиков.

^{хх}"Фантастический", "философский", "юмористический" и, в этом контексте, и "гротескный" не являются жанровыми категориями, в этом случае и только перенял терминологию вышецитированных авторов.

Определение сатиры, в первую очередь, встречалось у советских, английских и американских, фантастический у немецких, исторический с вымышленными действующими лицами и гротескный - у польских, мениппес - у советских, америстический - у английских и американских специалистов. Не только среди тех, кто считает этот роман сугубо сатирическим, а и в кругу тех, кто считает его и сатирическим, поразительно часто встречается упрощающая трактовка. В жанровых определениях, формулирующих трактовки, считаемые наиболее справедливыми, сатиры или сатирический, как существенная характеристика, не очень то фигурирует.

Критическое отношение к московской жизненной обстановке очевидно, но правы Ласло Нишбали и Илона Ниш в том, что нельзя назвать этот роман просто сатирой даже потому, что для этого необходимо было бы располагать нормативами экспликации и стабильным миропониманием", нельзя даже и потому, что в романе сатиру в большой степени уравнивают присутствующие в нем, резковывраженные страх и ужас.

Ирония в этом произведении скорее тон, нежели воззрение, вернее одна из важных составных многогранного воззрения. Помимо иронического отношения к лишенной идеи действительности, для этого произведения характерен и пафос, стоящий на защите ценностей.

Наличие иронии в произведении - или как тона, или как одной из составляющих воззрения - далеко неравномерно, а в конце романа, казалось бы, что она растворилась в смеси идиллии и резиньяции, хотя и это не совсем свободно от иронии, т.к. спасение Мастера и Маргариты /как ценностей/ не проходит без их потери.

Многие справедливо считают /кроме советских специалистов/ это произведение и историческим романом с вымышленными именами действующих лиц. Если читатель подразумевает под описываемой в романе Москвой какой-то город, или определенный город, который более-менее "подходит к Москве", то тогда - но только во вторую очередь - он может читать это произведение и как исторический роман с вымышленными именами действующих лиц. В этом случае истинные соответствия смогут окрасить и обогатить смысл. Если даже это и не исторический роман с вымышленными именами, все же в нем имеется большое количество исторических элементов.

И хотя "Мастер и Маргарита" не относится именно к тем романам, которые могут читаться с целью приобретения знаний и как популярная книга, для одной части читателей это произведение, в первую очередь, являлось источником новых познаний, прежде всего, "библейским романом в романе" и "представление" Москвы того времени.

В какой степени знание "культурных схем" является предпосылкой для восприятия этого романа, ответить не легко, поскольку доказуемо, что и та часть читателей, которая не очень то располагает знаниями такого типа, располагает, можно сказать, настоящим чтением. Да и основной вопрос заключается не в том, какой запас знаний у него имеется, а в том, как обращается читатель с этим культурным наследием, которое Булгаков "внес" в этот роман.

Доступные для читателя толкования вселенной, естественно, могут сыграть роль в трактовке мира произведения, что, естественно, в большинстве случаев связано с активизацией литературных впечатлений. Эти литературные впечатления также на толкование мира произведения могут влиять по-разному. В действие может вступить и собственное миропонимание читателя, которое более или менее могло быть определено либо Библией, либо Фаустом, либо Достоевским, а либо и Ильфом и Петровым. Может случиться, что произведение, означавшее литературное впечатление определяющей силы, мобилизуется в первую очередь как литературная схема, или, возможно, как жанровая схема. Так может случиться, что читатель ищет новую историю Фауста и находит ее в "Мастере и Маргарите", или парафразу Библии, или сатиру Ильфа и Петрова. Такая предварительная картина имелась у венгерских читателей во многих случаях - помимо Библии, Фауста и общественной картины, нарисованной Ильфом и Петровым - сказочный мир с его "народными дьяволами" и их искушениями, научная фантастика, "Марио и волшебник" в кругу несведущих читателей, а мир и жанры средневековой мистики Рабле, Гоголя, Лесажа. Е.Т.А. Гоффмана, Нафни и А.Франса - в кругу литераторов.

Многие из профессиональных и "непосвященных" трактовщиков романа также считают, что этот роман всего лишь предлог для спасения Булгаковым - для лучших времен - таких культурных ценностей человечества, как Библия, Фауст, а также еврейская, германская и масонская мифология, наследие Канта и Пушкина. Многие, например, С. Нюсуман, поэтому чувствуют это произведение уже чуть ли не слишком богатым. Ласло Шерфезе справедливо замечает о "вмонтировании" почти полного культурного наследия мировой культуры. Что касается "полного культурного наследия", мне кажется, Шандор Радноти находится ближе к истине, когда считает, что современность романа проявляется именно в его свободном выборе традиций.

Для литераторов, размышляющих в разных планах и красках, основным планом, или связывающим элементом чаще всего является Воланд, довольно часто Мастер и реже Иван. Более удачной, чем модели, изображаемые расположенными рядом друг с другом, или пересекающимися друг друга кругами, более приближающейся к мирозерцанию, композиции и коммуникационной схеме романа я считаю модель, представленную югославским литератором М. Йовановичем, описывающую concentric circles, согласно которой, в одном из сложнейших "таинственных /загадочных/ романов" мира "механизм таинственности /загадочности/" действует в четырех концентриках.

Часть представлений о "нескольких романах" возникла под знаком определения эстетической неполноценности или несовершенства. Многие критики романа считают произведение Булгакова не достаточно доработанным. Шандор Радноти, например, историю Пилата считает "эстетически безукоризненно решенной, изумительно прекрасной частью романа, в противоположность которой его московская часть иногда напоминает остроумие "Крокодила" старого времени. В противоположность им многие /О. Михайлов, И. Виноградов и др./ говорят о "математически разработанной" композиции романа. Петер Сенте хронологической композицией романа доказывает, что этот роман представляет собой полное целое.

По-моему речь идет о романе, композиция которого, по сравнению с линейными схемами, очень сложная, но сложность эта относительна. В первую очередь он сложен потому, что нити связываются слабо, что композиционное место отдельных элементов не однозначно. Стержень произведения составляют визиты Воланда. Истории Мастера и Маргариты, история Ивана являются приложенными к стержню произведения эпизодами /которые более-менее отмежевываются от приключений воландского вторжения, спланированных в виде пикареска/. История Иешуа и Пилата /все три - берущие начало из разных источников - части/ - вставна.

Причиной того, что читатели ощущают несколько романов /и часть их выбирает себе свой/, помимо различий в их эстетических горизонтах, заключается и в нарраторской композиции романа. Нарратор для большинства читателей, довольно непривычным образом, меняет свою личность, или скорее свою роль.

Многие считают этот роман мистериальным представлением /или и им/, в связи с этим нам кажется авторитетным мнение Петера Сенте, который признает, что многоплановость романа Булгакова на первый взгляд действительно принадлежит мистериями, ведь в нем представлены рай, земля и ад, но он думает, что до тех пор, "пока мистериальное представление складывается в круглое целое вне сцены, в зрителе, в убеждении того, что под землей действительно находится ад, а над землей - рай, и все в целом представляет собой единое совершенство, подчиненное божественной воле, то писателю XX-го века иллюзию нужно создать внутри самого произведения".

Среди специалистов встречаются и такие, которые многоплановость романа Булгакова сравнивают с многоплановостью утопий и романов-одиссей, сочиняемых еще до классических романов Бальзана и Стендаля, например, Е. Базарелли, который считает его и пикареским, а еще скорее, француз С. Нюсумано, который считает его таким приключенческим романом, в котором сатира проявляется в буффонной внешности. Довольно плодотворным является подход финского специалиста Ю. Маллинена, который, рассматривая произведение, как своеобразный вариант пикареска, о "карнавальном странствовании" Воланда в "стране мертвых душ" /где он и находит "две живые души" - героев романа и одну воскресающую "мертвую душу" - Ивана/. Кроме него еще и Андраш Вереш замечает, что Булгаков перенял основную композицию "Мертвых душ": его доминирующая сюжетная линия параболическое повествование с довольно традиционным решением, в рамках

путешествия, во время которого оживают "мертвые души", а живые становятся трупами, т.е. читатели, путешествующие вместе с Воландом /поскольку тут Чичикова уже недостаточно/, становятся свидетелями такого же оборота ценностей, как и спутники Чичикова.

В этом романе события не являются последствием друг друга, тем, что они не следуют один за другим по порядку причины и следствия, что это роман не прогрессирующий, не кумулятивный, а, как пишут Ласло Кишбали и Илона Киш, "углубляется во внутрь", объясняется то, что уже существовало потенциально и "таким образом событие становится узлом истории благодаря именно тому, что оно не вытекает из предыдущего состояния". Эта поэтическая композиция является выражением такого миросозерцания, согласно которому условия, окружающие личность, не создаются, возрождение происходит не путем аккумуляции ценностей, а являются следствием неисчерпаемого богатства жизни. У такого мировоззрения не может быть раз и навсегда действительной и описываемой самой по себе структуры. В трактуемом таким образом мире относительно природы, склада ума и решений активного человека, можно понять, что же произошло, но то, что может произойти - зависит не от человека.

Вступая в этот лабиринт через различные двери, с многообразными путеводными нитями в руках, читатель может следовать либо по "нити" Гете, либо Канта, либо Гоголя, либо Хейдеггера, но точкой присоединения читателя, т.е. точкой подключения его в разговор о вселенной, может быть и "русская и немецкая традиции, мистика, манихизм, Библия, пинирующий общество сатирический журнал, комедия "дел'арте", а также множество других точек соприкосновения", как пишет Шандор Радноти. В этот разговор можно включиться и в качестве читателя "серьезного", общественного, аналитического или онтологического романа, но возможно и в качестве читателя "занимательного", приключенческого, юмористического или сентиментального романов.

Несколько упростив, можно сказать, что по сравнению с романами Достоевского, роман Булгакова представляет собой, скорее всего, "полифонический тезисный роман", а это далеко не означает, что, в противоположность "характерным романам", его нужно было бы зачислить в ряд "идейных романов".

2/ Чтения смысловых планов произведения

Я и сам, соглашаясь с Ласло Кишбали и Илоной Киш, смысл романа вижу в проектировании читаемых в романе текстов один на другой. Для того, чтобы читатель, по сути принял участие в разговоре, необходимо в значительной мере перепрограммировать "читательский приемник". "Мастер и Маргарита" является произведением, отличающимся от традиционного с нескольких точек зрения, ведь оно отклоняется от толстовской традиции, от традиций наррации с нормальной хронологией и от традиций "заурядного чтения". Однако новизна романа - даже и для заурядного читателя - относительна, ведь - как я уже ссылался на это, цитируя Андраша Вереш - перенятие гоголевской традиции довольно заметно. А, что для большей части его читателей может явиться новинкой, то это, в первую очередь, монтирование друг на друге различных нарраторских композиций.

Большинство литераторов, разбирающих это произведение, различают в нем три плана, три смысловых прослойки, три линии, три поэтических формы и три текста, я сам - также, упростив поэтическую композицию романа, "отражающего изобилие, богатого и текстом мира - различаю в нем пять различных планов: 1/ Город, который в данном случае называется Московской, 2/ москвичей и, среди них не просто представителей этого города, а замечательнейших из них - Мастера, Маргариту и Ивана, 3/ располагающее прибавочным существованием, если угодно, "прибавочной стоимостью", отношение, связь Мастера и Маргариты, 4/ одно, отличающееся от окружающей среды, достоинство, если угодно, вещественное доказательство справедливости: роман Мастера, 5/ другую систему бытия, которую некоторые, относя ее к неподвижному Городу, называют исторической, в другом случае - трансцендентальной, то измерение, к которому относятся Воланд, а также и Иешуа.

а/ Город

Из романа можно выделить социографию, или вернее, искаженное изображение социографии Города, грязные улицы, квартиры без ванных комнат, коммунальные квартиры, закуска вторичной свежести, выдача бумаги, бюрократизм, буржуазный уклад жизни отдельных прослоев интеллигенции /и как будто интеллигенции/, кружки и варьете, антирелигиозная пропаганда, примус и валютный черный рынок. Все это производит впечатление такого жизненного уклада, для которого - несмотря на еще довольно низкий жизненный уровень - уже характерны и навыки потребительского общества, в котором выражение "приятно жить" начинает становиться лозунгом. Этот сосредоточенный на настоящем образ жизни характеризуется такой стоимостной системой, в которой паразитическим образом отсутствуют такие значения, как коллектив и личность.

Это общество более или менее отличается от картины, сложившейся у венгерского читателя о строящем социализме Советском Союзе двадцатых - тридцатых годов.

Одна часть специалистов в "московском тексте" вычитывает, довольно упрощенно, утилитаристское, потребительское, мещанское общество, другая - бюрократическое, опять таки другая их часть видит в нем критику эпохи НЭПа. Многие считают, что речь идет всего лишь о показе мира искусства, а советский литературовед И. Ф. Бэлза ограничивает этот круг до "литературных бандитов". Английские и американские критики, в первую очередь, подчеркивают то, что Булганов хотел показать безбожное материалистическое общество. Отдельные критики наиболее характерным признаком показанного общества считают чересчур и сверхконтролируемость, - его униформность. Однако, в этих интерпретациях Московский текст большей частью трактуется сам по себе.

Критическая направленность писателя несомненна, и, все же, этот текст не просто критика послереволюционной Москвы, а - как пишут Ласло Нишбали и Илона Ниш - писатель, с антропологической точки зрения, дает характеристику грубому коммунизму /т.е. его разновидности, называемой культом личности/, охарактеризованному и Марксом. Появляется такое междуцарствие, которое с первого взгляда может показаться и сумасшедшим домом, для которого характерными являются распад традиционных миров и утрата ценностей. В этом мире ограниченный - безграничный человек, лишенный своих возможностей, умалется до ограниченного, вместо отношений "я - ты" и "я - он", господствует отношение "я - оно". В этом мире, вместо неустойчивых подвижных существующих, живут находящиеся в безопасности существующие, в своей собственной сфере, в мире и эгоизма. Этот город лишил себя бытия, а круг существующих назначается властью, свидетельствуя и аннулируя их существование справками.

б/ Москвичи

Если Москва занимает первый план, то они должны были бы находиться в полуплоскости, или 1' плане, ведь большая часть москвичей не встречается близко с читателем, она, так сказать, относится к "декорации" к первому плану, а трое героев к первому плану не подходят. И, хотя москвичи фигурируют, как марионетки, все же они не являются только следствием, жертвой Москвы, а, одновременно, и причиной, это люди, саботирующие исторические задачи и самих себя.

Среди москвичей Берлиоз выделяется и как одна из фигур романа, занимающих ключевую позицию, которую значительная часть венгерских читателей отождествляет с жертвой темных сил. Среди литераторов не нашлось ни одного, кто считал бы его положительной фигурой, или хотя бы жертвой, но зато были литераторы, которые отмечали его интеллигентность. Действительно ли интеллигентен Берлиоз? Кажется он знает все, но весьма вероятно, что только отрывками. Е. Махлов видит в нем, и не без причины, олицетворителя французского атеизма, и, все же, я предполагаю, что Берлиоз скорее всего рационалист и скептик, его самодовольный рационализм характеризуется быстрее всего принципностью надежности. Он жертва своего несостоятельного рационализма.

Ивана от располагающих членским билетом МАССОЛИТа отличает всего лишь один единственный оттенок: это торжествующий над его полуграмотным атеизмом и догматическим переусердствованием - художественный талант. Эта, еще полу-

сознательная, восприимчивость представляется возможностью для того, чтобы позднее - под влиянием Воланда и Мастера - он стал способен к восприятию новых ценностей, к самокритике, катарзису и развитию. Большинство специалистов не рассматривают Ивана, как органическую часть трантовки, а ведь это он распознает знамение в крайних положениях страха, счастья и неудачи, лично переживая их, и, таким образом, выигрывает прибавочное бытие и возможность к осмысленной жизни.

в/ Мастер и Маргарита

Ю. Маллинен называет этих исключительных существ "живыми людьми" среди "мертвых душ". История их любви, особенно ее первая половина, извлеченно из остального текста, может показаться романом или пародией, но даже и так она выделяется из остального фона, это другое качество, отношение "я - ты" в среде безличия. Сам по себе этот текст означает то, что два человеческих обломка в "соавторстве" создают прибавочное бытие и прибавочную стоимость, что мы обычно называем любовью. В суждениях о Мастере большие расхождения наблюдаются у специалистов, нежели у "профанов".

Виноградов и Д.Г.Б. Пипер видят в нем стоина, а многие литераторы /например, В. Ланшин и А. Скорино/ сравнивают его с пассивным Иешуа. В противоположность им, другие литераторы /например, Е. Томсон и Х. Сахно/ считают его схожим с - по их мнению активным - Иешуа. По мнению Анны Фабри Мастер не бездеден, а он писатель и проповедник. Согласно Шандору Радноти он хотя и не гений, но писец правды. Д. Шегал видит в нем представителя духовных, интеллектуальных ценностей, В. Левин - гуманиста, И.Ф. Бэлза - сознательного творителя. Согласно Ласло Кишбали и Илоны Киш, мастер не представитель пассивности, а носитель такого принципа, согласно которому "мы имеем право предполагать, что люди добрые и имеем право так вести себя".

Не только среди читателей "профанов", но и среди "профессиональных читателей" встречается несколько таких, которые в Маргарите, в первую очередь, видят демона. Не только среди читателей, но даже среди литераторов находятся такие, которые в Маргарите обнаруживают олицетворительницу всепобеждающей любви. Некоторые из них подчеркивают также ее женственность и красоту, вечную женщину, невинность, смелость и страстность. Многие, противопоставляя Мастеру, считают ее представительницей действия и активности. Ворошилски и другие считают, что скорее она находится в большем родстве с Фаустом, чем Мастер. Е. Базарелли трактует образ Маргариты, как модели надежды и символа свободы.

Согласно Ласло Кишбали и Илоны Киш в двух частях романа господствует модель двух личностей. В первой части редуцированный индивидуум, /типичным примером которого является Берлиоз/, во второй - интегрированная личность, "которая от себя, своими поступками, вносит нормы в чужой для нее мир. Как и В. Ворошилски, Кишбали и его соавтор также считают, что Маргарита - как первая интегрированная личность романа - более похожа на Фауста, чем Мастер. Прав Андраш Вереш, который в своем рецензентском реферате предупреждает, что Мастер или роман для Маргариты является вопросом существования. Сосуществование Маргариты в ад гораздо многозначительнее искушений народных сказок и является эмпирическим познанием истории, ведь паноптикум бала сатаны одновременно является отражением Москвы, а также ее предысторией. Сосуществование Маргариты в ад - и эпитимья и очищение: она живой вступает в царство греха и живой же возвращается оттуда.

г/ История Пилата

У многих читателей сложилось такое мнение, когда они еще раз, в один прием, прочли "историю Пилата", что, действительно, это самостоятельное произведение и, только ради него, Булгаков написал роман-обрамление "Мастер и Маргарита". И среди литературоведов очень многие считают его "вводным романом", а некоторые из них, как например, и Шандор Радноти, только историю Пилата считают эстетически идеально решенной частью романа.

Что же касается ее отношения к Библии, то тут мнения специалистов расходятся. Согласно А. Райту она не отличается существенно от Библии. Е. Базарелли считает ее апокрифическим вариантом Библии. З. Кализински считает, что речь идет о марксистском варианте Евангелия, по мнению английского специалиста Е. Проффера и чешской специалистки Е. Олоновой истории о Пилате это реали-

стическая формулировка мифа. Что касается отношения романа к Библии, то, пожалуй, Нунцевич ближе всех подходит к истине, когда утверждает, что в истории о Пилате одновременно появляется архетип и его современная реализация.

Степень расхождений между трантовками образа Иешуа формирует различные интерпретации Мастера. Одна часть подчеркивающих параллельность Иешуа и Мастера, чувствует родство в их пассивности, другая их часть - как раз наоборот - в их активности. Другая группа литераторов видит в нем представителя и воплоителя любви, веры в человека, доброты, чистоты и всепрощения. Многие видят в нем воплощение беспомощной доброты. В противоположность им многие из литераторов считают его смелым, активным проповедником.

В "ершалаимском тексте" Иешуа не бог, не революционер и не праведный самаритянин, а кроткий бродячий философ, проповедующий кажущуюся наимелпейшей философию, что "каждый человек добр". Он проповедует, что настанет царство истины, самым страшным грехом он считает трусость, а своими жестами проповедует веление перемен.

Фигуру Пилата в свои трантовки чаще всего включают английские и американские литераторы. Одна из таких групп считает его трусливым и одновременно чувствительным, другая - представителем или служителем власти. А.Н. Вайт отмечает и то, что Пилат ненавидит свою роль. Итальянский специалист Е.Базарелли считает прокуратора вернее уже жертвой и искалеченным властью человеком. Двое советских литераторов /А.Скорино и И.Ф. Утехин/ считают, что Пилат - в противоположность, например, Мастеру и подобно Маргарите - человек действия, ведь он убийством Иуды пытается возместить свой грех. Е. Проффер обращает внимание на то, что не случайно в романе титул "прокуратора" упоминается 82 раза, что указывает на тождественность Пилата с его званием, который, правда, непосредственно своей трусостью причиняет смерть Иешуа, но в основном и раздвоенностью личной морали, тем, что свое вышестоящее начальство /от кого он и страдает/ он возводит в боги. Итак, помимо трусости /с ней в одинаковом соотношении/ политическая рациональность также способствовала тому, чтобы он как приверженец власти согласился на распятие Иешуа.

д/ Пятов измерение

Москвичи /или, как пишет В.Ворошилски: "коллективный Пилат"/ сталкиваются лицом к лицу не с Иешуа, а с сатаной, т.е. с его мерилом, которым они измеряются и находятся легковесными; Воланд исключительный сатана: он не злобный искушитель, не досаждающий на хорошее злой дух, да и не спорящий с богом и не аргументирующий против него Луцифер-философ, с каким венгерские читатели могли встречаться в своих чтениях. В этом романе не рай и ад борются за землю с помощью земных сил и болельщиков, как, например, в мистериальных представлениях. В этом романе внизу - не ад, а земля, тут происходят "адские" дела, которые там "наверху" надоели и были осуждены. Сатана в этом миропонимании является частью "высшей" силы, но не просто ее наиболее темной половиной, ведь его роль скорее похожа на роль бога, нежели черта. Воланд не выносит приговора, а появляется перед закостеневшими в повседневности москвичами, как необычный вызов в означающих для них надежность привычках.

Главными средствами Воланда и его компании является не молния и не железные вилы, а ирония и игра, то в более легкой, то в более жестокой форме. Эти "чертовские средства представляют собой такие ценности, которых - помимо всего прочего - также нет в стоимостной системе москвичей, которые развлекаются, но не радуются". Воланд показал себя москвичам, в первую очередь, не для того, чтобы доказать, что черт все же существует, а для того, чтобы дать почувствовать, насколько смешон редуцированный индивидуум, "который обосновав свое существование справками, удвоив мир, и сам выступает как логос" /Ласло Кишбали и Илона Киш/.

Значительная доля не только читателей, а и критиков, чувствует, что Воланд и его сообщники применяют сталинские методы. Я думаю, что Воланд ввел их в заблуждение и прав В. Ворошилски, согласно которому "Воланд и компания с удовольствием прибегали к демагогии, обаятельной согласно этическому кодексу измеренного ими общества. Значительная часть их деструктивной деятельности происходила при полном соблюдении почтительности к нормам, принятым подвергнутому деструкции обществом. Чертовские козни состоят из заполнения практикой готовых общественных форм."

И завершительный анкорд открытого романа неслышим в своей полифонии без чтения всех текстов романа друг на друга. Мария Калман, излагая, что "моралист Иешуа прощает Пилата, материалист Сатана - нет, а Мастер учится диалектике не у Иешуа, а именно, в конце романа он сознательно отворачивается от света к тени", на один-два голоса обедняет намного более богатый текст. Скорее речь идет о том, что приютом страдающих вместо райского сада будет вишневый сад, чеховский мир. Все устроилось - может показаться читателю, одновременно с успокоением и беспокойством - ведь в Городе /который напоминает и Москву/, как будто все осталось по-старому. Его граждане не изменились: вместо натарзиса они хлопаются на зады, с трудом поднимаются, отряхивают свои грехи, а потом ищут и находят козла отпущения. Только от страха и в интересах своего эгоистичного спокойствия они порывают - из эпилога выясняется, что только временно - со злом. И только один настоящий человек, Иван, может засвидетельствовать, что у мира, ставшего для других снова обозримым, имеются громадные глубины и тайны. Уверенность и беспокойство Ивана передаются и читателю, ведь система, в которой все устроилось является многозначным переплетением света и небытия, покоя и страха.

1У. ПРОЦЕСС ЧТЕНИЯ

Новый текст мобилизует стереотипии и, облаченный в них читатель чувствует в себе довольно смелости, чтобы решиться войти в лабиринт неизвестного произведения, однако представляющие защиту латы одновременно препятствуют его движению. Таким образом, условием продвижения вперед может стать не только нахождение им соответствующих стереотипий, а и его способность вовремя осваиваться от одной их части. Иначе говоря, способен ли читатель изменить свою стратегию восприятия?

А/ Первые впечатления и их формирование. /Исследование чтения первой главы романа/

Пожалуй даже нет особой необходимости подчеркивать, как велико значение первых слов, первых предложений, абзацев, первого появления героев, заглавий первой главы в тех произведениях, которые не только репродуцируют, а и варьируют и обновляют правила игры предыдущих произведений. Решающим может стать и то - пользуясь выражением Гадамера и Яюсса - какой "горизонт ожиданий" сложится при чтении первых страниц, может ли читатель настроиться на длину волны этого произведения.

Естественно, читатель как можно скорее хочет стать хозяином положения, чувствовать себя надежно. Не только тот читатель, который чтение считает удобным креслом, но и тот, который берется за преодоление крутых вершин во время чтения. Очень многое - а подчас все - может решиться во время чтения первой главы.

Когда в рамках исследования приема "Мастера и Маргариты" в Венгрии, я изучал, что происходит при чтении первой главы, то я применил следующий, довольно рискованный метод. Читателям, еще не знакомым с этим романом, мы зачитали первую главу произведения и "подслушали" диалог писателя с читателем, прервав чтение в пятидесяти местах для того, чтобы, получив ответы на различные вопросы, ошутить первые реакции читателей и их видоизменения. 117 читателей мы выбрали так, чтобы среди них были представлены читатели, располагающие разным жизненным опытом, разной стоимостной системой, разной начитанностью и вкусом.

1/ Текст /первая глава/

В самом начале романа есть такая сцена, которая имеет значение ключевой важности и из нее, да и само собой, можно разгадать многое. Тот факт, что в будке с надписью "Пиво и воды" - несмотря на изнурительную жару - нельзя купить ни пива, ни воды /о чем сообщает продавщица, почему-то обидевшись/, а только теплая абрикосовая с запахом парикмахерской, может раскрыть читателя

очень многое о том городе, который в этом романе называют Москвой. Читатель может почувствовать, насколько шаткими являются такого рода определенности, как надпись "Пиво и воды", насколько действительны такие, кажущиеся неопровержимыми, факты. Эта будочка является замечательным символом общества, описываемого с недостатками и утратой ценностей.

Для Булгакова культура, мифология и религия являются толкованием мира. Берлиоз самоуверенно заявляет об их несостоятельности, в его атеизме отсутствует утвердительный момент, у него и атеизм не имеет норм. Как пишет Л. Нишбали и И. Ниш, Берлиоз "в отношении к вещам выдающуюся роль приписывает тому, что в нашей жизни что-то может играть роль только в том случае, если мы можем его включить в подтвержденные и гарантированные зависимости реальности". А поэтому "универсальные знания Берлиоза означают только то, что ему известно, что вмещается в эту рациональную рамку. Берлиоз старается доказать, "что главное не в том, каков был Иисус, плох ли, хорош ли" /т.е. не качество и не ценность/, "а в том, что Иисуса, как личности вовсе не существовало на свете". Берлиоз, у которого отсутствует этический подход, способен рассматривать Иисуса, как чуждый ему предмет, только в исторической реляции. Итак, его заявление "и христиане не выдумали ничего нового" не является тезисом сравнительной богословии, а - обесцениванием такой традиции, на месте которой в Москве, описываемой в романе, находится вакуум, который до поры до времени очень удобен и надежен для Берлиоза и ему подобных.

Назвалось бы, что рассматривается вопрос о бессмертии, а на самом деле речь скорее всего идет о том, как это пишет Ласло Нишбали и Илона Ниш, что означает этот факт для человека, и, что склонен ли он интегрировать его в свою жизнь. Они правы и в том, что Берлиоз не способен подойти к смерти, даже к своей собственной, в личном измерении, а только в политическом. Его мышление ориентировано на противоположность комсомолка - интервент.

2/ Запас знаний читателей

Мы попросили читателей дать толкование эпиграфа и слова МОССОЛИТ, обозначить время, а затем ответы на следующие вопросы: Почему Берлиоз хотел заказать у Бездомного антирелигиозную поэму? Кто был Иисус Христос? Жил ли Иисус Христос? Из имен: Флавий, Тацит и Филон, чье имя вы уже слышали? Что это за пять доказательств бытия божия? Кто этот старик - Иммануил? Кем был Кант, Шиллер и Штраус?

В лице, отвечающем на вопрос в эпиграфе - "Я часть той силы, что вечно хочет зла и вечно совершает благо", только одна шестая часть давших ответ, распознала Мефистофеля или сатану. Одна треть их не смогла разгадать значения эпиграфа, среди ответов по существу, наиболее частыми были ответы: "человек добр", "человек зол", "человек обманчив", "таков человек". МАССОЛИТа еще было не достаточно, чтобы читатели правильно определили период действия: половина их установила, что оно происходит в период до 1917 года, а были и такие читатели, которые думали о прошлом веке. То, что Берлиоз заказал для своего журнала антирелигиозную поэму, 40 % читателей объясняют его личной убежденностью и только половина этого количества - тем, что это господствующий подход. Относительно Иисуса Христа, учащиеся церковных школ, религиозные ученики дали коррективные ответы, среди остальных были и такие ответы, как "хороший человек", "тот, кто снизошел на землю", "сын Марии", "пророк", "филосов", "родившийся на Рождество". Согласно пятой части опрошенных - он не существовал, а половина тех, согласно которым он существовал, не считает его богом. Только каждый десятый отвечающий опознал в Иммануиле Канта, о ком, между прочим только этот отвечающий знал, что он философ.

3/ Читательские ассоциации

Целый ряд вопросов был нами задан не для того, чтобы экзаменовать читателя, понимает ли он текст Булгакова, "вступает ли в игру", а просто нам было любопытно, куда они поместят едва знакомых героев, о чем они догадаются из едва ли сразу разгадываемых жестов. Естественно, из этих читательских ассоциаций мы смогли сделать вывод о том, как складывается горизонт восприятия, как формируются временные представления читателей. Нужно было отвечать на такие вопросы, как "О чем может идти речь в романе с таким названием? /зная название/. Кем могут быть эти двое действующих лиц? /после прочтения первого абзаца/. Какое общее впечатление вызывают эти имена: Берлиоз, Бездомный,

МОССОЛИТ? /после прочтения второго абзаца/. Какой национальности может быть этот иностранец? /после его появления/. Чего он может хотеть от них? Почему поэту отвратителен этот иностранец? Почему он заинтересовал Берлиоза?

4/ Восприятие и оценка действующих лиц

КАКИМ ЧЕЛОВЕКОМ ВЫ СЧИТАЕТЕ БЕРЛИОЗА? Этот вопрос был задан нами после того, как стало известно, что Берлиоз "хотел доказать поэту, что главное не в том, каков был Иисус, плох ли хорош ли, а в том, что Иисуса-то этого, как личности, вовсе не существовало на свете". Двадцать из ответивших, т.е. большинство /в основном ученики/ считали его просто атеистом, одиннадцать учеников атеистом-фанатиком, восьмеро - образованным атеистом, шестеро /все религиозные ученики/ - атеистом по расчету. В первую очередь женщины со средним и высшим образованием считают его образованным. Ивана большинство, шестнадцать человек, /почти все ученики/ считают поддающимся влиянию и, только восьмеро в противоположность предыдущим, - решительным. Две пятых части ответивших охарактеризовали его отрицательными эпитетами, а именно: вспыльчивый, недружелюбный, легкомысленный, недоверчивый, необразованный. В противоположность им, только пятеро считали его прямым, двое - симпатичным, а по-одному читателю считали его любопытным, дружелюбным человеком.

Читатель, у которого, между прочим, осуждение является элементарной читательской потребностью, снова и снова вынужден занимать позицию относительно действующих лиц. Намного удобнее судить, если он может это сделать, отождествив себя с какой либо фигурой, или хотя бы симпатизируя ей. В этом отношении Булгаков не очень-то облегчает задачу читателя. Иным было бы положение, если бы имелась одна прочная точка опоры, если бы он мог знать, кто этот таинственный иностранец. Этот вопрос мы задавали несколько раз. Впервые, когда Воланд рассказывает о том, что он завтракал с Кантом. На вопрос КТО ЭТОТ ИНОСТРАНЕЦ? Пятая часть наших читателей не смогла дать ответа. Большинство, одиннадцать читателей /в первую очередь с высшим образованием/, считали его философом, ученым, пятеро - учеником или противником Канта, а четверо - писателем. Многие приняли его за эмигранта, семеро /учащиеся/ - шпионом. Двенадцать читателей считали его неземным существом, из них семеро /из которых пятеро - религиозные учащиеся/ видели в нем черта.

Мы в третий раз задали вопрос КЕМ МОЖЕТ БЫТЬ ЭТОТ ИНОСТРАНЕЦ? после неожиданного заявления /"Имейте в виду, что Иисус существовал"/. Каждый четвертый читатель находился в нерешительности, в основном читатели рабочего происхождения. Большинство читателей /семнадцать, в первую очередь учащиеся/ в иностранце узнали самого Иисуса, двенадцать - священника, трое - верующего, шестеро - богослова. Четыре интеллигентки видели в нем философа, или историка, четыре - высокообразованного мага. Тринадцать читателей считали его чертом /в первую очередь, гимназисты/, остальные - шпионом, душевнобольным, провидцем, "чудакон", взятым из сказок.

Автор постепенно посвящает читателя, который в этой главе получает много таких информации, которые ему предстоит понять позднее. Поэтические приемы произведения /прежде всего зловещее предчувствие/ намеренно замедляют постижение трактовки текста. Помимо замедления /а чаще всего, вместе с ним!/ и ирония тормозит немедленное толкование. Мы смогли почувствовать, что сложный текст сопротивляется традиционной читательской стратегии, но потом у многих он именно этим вызывает эффект, условием которого является и видоизменение применяемой стратегии чтения.

5/ Кто вошел в игру?

Легкое чтение не принуждает читателя к изменению его "горизонта ожиданий", зато литературное произведение "противопоставляется" как литературным требованиям, так и читательскому опыту. Исследование восприятия, трактовки и эффекта первой главы романа "Мастер и Маргарита" также доказало, что одно из условий понимания заключается в том, чтобы этот вопрос был вопросом, причем важным вопросом, и для читателя, а другое условие - в том, чтобы он понял тот язык, на котором отвечает писатель. Ошутимым было и то, что ни совершенное знание ключа символики, ни полное переживание первоначального писательского намерения не являются условием настраивания на роман. Во

многих случаях отсутствие основательных знаний о той эпохе, из которой взят роман, не являлось непреодолимым препятствием, но серьезное затруднение для большинства читателей представляла тупоухость к истории.

В восприимчивости учащихся большой след оставили школьные стереотипии, особенно схемы преподавания литературы, несмотря на это школьники несколько восприимчивее читателей со средним и высшим образованием.

Б/ Путешествие по страницам романа /Исследование процесса восприятия романа "Мастер и Маргарита" среди его читателей-гимназистов и будущих педагогов/

Чтение - это событие, а текст - это отпечаток динамического действия. Отпечатки говорят о самом действии всего лишь столько, сколько о доисторических существах их окаменевшие остатки, т.е. очень мало, но специалист старательной работой может реконструировать из них плеозавра. Из хорошо или плохо, но во всяком случае, сформулированных только отрывочно транктовок, реконструировать чтение, как внутреннее действие также невозможно, как и подсмотреть читателя во время чтения, но читателя можно попросить, чтобы он прервал чтение в местах, определенных исследователем, и задумался немного над читаемым, этим процессом, между прочим, можно управлять. Конечно этот прием является довольно грубым вмешательством в ту саморегулирующую систему, которую составляют читатель и текст, даже и в том случае, если исследователь задает читателю такие вопросы, которые довольно часто встречаются в читательской практике, как например: какими вы считаете действующих лиц? как вы думаете, каково будет продолжение? какая мысль возникла у вас об этом? что этим хотел сказать писатель? изменилось ли ваше мнение в связи с каким нибудь действующим лицом? Естественно, исследователь должен рассчитывать на последствия лабораторного положения: его измерительные средства могут очень повлиять на результаты измерений, не совсем стерильные инструменты могут вызвать и заражение. Взвесив все это, мы взяли за наблюдение читательского отношения и поведения двадцати гимназистов-выпускников и восемнадцати будущих педагогов, студентов факультета венгерской литературы во время чтения романа "Мастер и Маргарита" таким образом, что прервав процесс чтения, мы попросили их ответить всего на пятьдесят пять вопросов.

1/ Читательский горизонт наших спутников

Согласно Яуссу предпосылкой восприятия является настройка на эстетический эффект. Произойдет ли настройка /т.е. будет ли читатель чувствовать, что "сказка" говорит о нем и для него/ зависит в большой степени от того, что называют читательским отношением, читательским горизонтом и еще по разному. Внутри отношение восприятия многие /Яусс, Йожа/ различают круг эстетического и неэстетического /практического, повседневного/ опыта, отношений, конфигураций ценности. Что касается эстетического горизонта венгерских читателей, то наиболее характерной чертой его является то, что большинство из них с одной стороны равняется на произведения Йокаи, Минсата, Гардони, а с другой - на произведения, подобные сочинениям Хемингуэя.

2/ Ориентировка и размещение

Четверть гимназистов не слыхала ни об авторе, ни о романе, десятая часть их была знакома лишь с именем автора, одна треть - считала его русским и десятая часть - советским писателем. Пятая часть гимназистов помнила, что их преподаватель при разборе "Фауста" уже упоминал имя Булгакова. Всего дин ученик проявил себя действительно осведомленным при ответе на вопросы "СЛЫХАЛИ ЛИ ВЫ ИМЯ ПИСАТЕЛЯ? ЧТО ВЫ СЛЫХАЛИ О НЕМ? ЧТО ВАМ ИЗВЕСТНО О НЕМ?" Одна десятая часть будущих педагогов, студентов литфана, слыхала всего лишь имя писателя, остальные упомянули и его самый известный роман.

На вопрос "КТО ОН И ЧЕГО ХОТЕЛ СТРАННЫЙ ИНОСТРАНЕЦ?", заданный после прочтения второй главы, одна шестая часть гимназистов не смогла дать ответа. Среди гимназистов только один симпатизировал ему однозначно, а среди студентов - трое. В горизонт большинства из них Воланд не вписался и эту напряженность они пы-

тались расслабить или тем, что "поместили его вне действия" таким образом, что объявили его сказочной, сверхъестественной фигурой, или любой ценой попытались втиснуть его - как и Берлиоза - в свой прагматический горизонт. Немногие поняли чисто ассиметричную зависимость действующих лиц первой главы то, что измеряющую "простых людей" мерку, Воланд, идею нужно помещать в другую категорию. Конечно, оставаясь в "шнуре" Берлиоза, это было невозможным. Произошло что-то такое, о чем Петер Йожа написал так: "Большая часть читателей действие фигур оценивает исключительно с нравственной - более того с моралистской - точки зрения, они не ищут воплощающихся в их поведении общественных сил, я бы сказал, что вместо анализа они выносят приговор. Для наших читателей Воланд или слишком приблизился /как простой маг/, или слишком отдалился /как каной-ти сверхъестественный фокус, к которому мы, объясняющие мир с естественно-научной основы, не очень-то можем иметь отношение/.

При оценке ответов, полученных на вопрос "НАНИМ ВЫ СЧИТАЕТЕ ПИЛАТА!", нам обязательно нужно было учитывать то, что Библию /вернее, что никуда из Библии/ прочитало только две трети будущих педагогов, а гимназистов - всего одна треть, итак, более, чем в половине читательских горизонтов отсутствует образ Пилата, как остов толкования, который можно было бы сопоставить с Пилатом Булгакова. Будущих педагогов вдвое больше, чем гимназистов осудило его, в первую очередь за то, что он эгоистичен, пользуется властью и служит ей. Всего один гимназист симпатизировал ему и, только двое будущих педагогов видели в нем больше положительного, чем отрицательного. Если из культурных образцов у многих и отсутствовал библейский Пилат, из его восприятия можно было сделать вывод, что его значение разгадают намного легче, чем значение Берлиоза или Воланда.

3/ Опоры расслабляются

Следующая серия вопросов последовала после прочтения пятой главы романа. Сначала мы спросили "ЧТО БЫЛО ПРИЧИНОЙ СМЕРТИ БЕРЛИОЗА?" Большинство гимназистов искало рациональное объяснение. Треть их считала ее обыкновенным несчастным случаем, а пятая часть - аварией, явившейся следствием тяжелого душевного состояния. Затем мы задали вопрос, касающийся первой трактовки "НАН ВЫ ДУМАЕТЕ, ЧТО ХОТЕЛ БУЛГАНОВ СКАЗАТЬ, ЧТО ОН ХОТЕЛ ПОКАЗАТЬ В ЭТОМ РОМАНЕ?" Этим вопросом мы не ставили своей целью определение того, насколько разгадан роман после прочтения пяти глав и не того, насколько трактовка читателей, все более углубляясь в произведение, приближается к "абсолютному" значению. Процесс чтения, восприятия целесообразнее /как предлагает и В. Айзер предоставить постепенной настройкой на эстетический символический язык, т.е. формированием такой постепенной позиции восприятия, которую скорее всего можно назвать формой эстетической эмпирии, которая позволяет произведению действовать. Четверть гимназистов и будущих педагогов были совершенно беспомощны. Столько же /из каждой группы/ в первую очередь видели в этом "странном романе" картину эпохи. Всего один гимназист и четверо будущих педагогов приблизились к тексту.

Эти наблюдения позволяют хорошо ошутить определяющую роль читательской позиции /используя аналогию: читательской стратегии/, складывающейся в начале романа, одновременно и ее видоизменяемости, явления, называемого Айзером "блуждающей точкой зрения". Блуждающая точка зрения означает не только переходящую от одного действующего лица на сторону другого склонность, не только постепенно меняющуюся позицию читателя, завладевающего новыми информациями, а и то, что он встречается с появляющимися, как все более разрастающаяся сеть связей, текстом /который становится все богаче и, одновременно, все оригинальнее/.

4/ Читатель тоже "плюхается" в Ялту

После того, как Степа Лиходеев "плюхнулся" в Ялту, мы задали вопрос "ЧЕГО МОГУТ ХОТЕТЬ ВОЛАНД И ЕГО КОМПАНИЯ? НАНУЮ РОЛЬ ОТВЕЛ ИМ ПИСАТЕЛЬ?" Для ответа на этот вопрос читатель теперь уже располагает точкой опоры и, все же, пятая часть гимназистов и десятая часть будущих педагогов были совершенно беспомощными. На этот раз в обеих группах наблюдалось намного меньше попыток рационализации: только два будущих педагога считают их фантазмом и галлюцинацией /Лиходеева/ и только три гимназиста считают их членами преступного сообщества, вызывающего сумятицу и ужас. Из двадцати только трое гимназистов думали, что Воланд испытывает олицетворителей ошибок того времени. У будущих педагогов это наиоо-

лее часто встречающаяся трактовка, хотя и в этой группе встречается такое толкование, согласно которому Воланд и компания "представляют превратную сторону общества", "пользуются слабостями людей" и из двадцати - четверо доходят всего лишь до такого толкования, что они являются представителями какой-ти демонской силы".

Вопрос "ЧТО В ЭТОМ РОМАНЕ КАЖЕТСЯ ВАМ ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫМ И ЧТО СКАЗОЧНЫМ?" /отдельно то, что художественно органично/ с эстетической точки зрения не самый удачный, но приняв во внимание практику восприятия, непременно мотивированный. Учитывая обычную читательскую практику, нужно рассчитывать на то, что "сказочное" большей частью означает и отрицательную, а "действительное" и положительную оценку. Трое гимназистов все считали сказкой. Их мерной является "Молодая гвардия", "Как закалялась сталь", "Отверженные", романы Дюма и "Две Лотти": по сравнению с ними этот роман всего лишь сказка. Двенадцать гимназистов и тринадцать будущих педагогов сказкой считали поступки Воланда и его компании, ею - и библейскую историю.

5/ Бич или мерило?

Следующие вопросы мы задали еще до появления героев романа, после прочтения 12-ой главы. В ответах, полученных на вопрос "КАКИМ ВЫ СЧИТАЕТЕ КОРОВЬЕВА?" понятно доминирует морализирующее осуждение и только изредка встречается этическое, а именно: "Правая рука Воланда, раскрывает настоящий облик Москвы", "беспощадно бросает правду в лицо людям".

На вопрос "КАКОЕ МНЕНИЕ СЛОЖИЛОСЬ У ВАС О НИКАНОРЕ ИВАНЬЧЕ, ПРЕДСЕДАТЕЛЕ ЖИЛИЩНОГО ТОВАРИЩЕСТВА?" гимназисты и будущие педагоги отвечали довольно разнообразно. От гимназистов Никанор Иванович не получил и половины нареканий, полученных Коровьевым, более того, одна треть их считала его определенно симпатичным /честным, порядочным, трудолюбивым человеком/. Действовали и литературные стереотипы "порядочный маленький человек" и "честный работник", но энергичнее их действовал прагматичный читательский горизонт - стоимостная система читателей. Мы задали также вопрос "КАКАЯ МЫСЛЬ ВОЗНИКЛА У ВАС ВО ВРЕМЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ВОЛАНДА И ЕГО СООБЩИКОВ?" Обе группы и в этом случае реагировали по-разному. В среде будущих педагогов читательский подход наиболее энергично формировался эстетическим горизонтом: девятеро сравнивали Воланда с Чиполлой. С точки зрения попавших в унижительное положение, они сравнивали поведение Чиполлы с поведением Воланда, который - по сравнению с очень даже активным, с очень даже сознательным Чиполлой - всего лишь появился в Москве и определил, что люди не изменились. Всего только четверо опрошенных почувствовали, что тут что-то оценивается, а мерилом является Воланд.

Чем объясняется такая антипатия в среде таких читателей, большинство которых не было согласно с заявлением "Я не люблю такие книги, которые возмущают и пытаются принудить меня взглянуть на самого себя?" Вероятно, в первую очередь, это был метод очной ставки с самим собой, который смущал их. Недостаточно думать только о неразвитом чувстве иронии, прежде всего речь идет о невосприимчивости к булгаковскому мирозерцанию и булгаковской философии. Принимающий Берлиоза и чувствующий отталкивающим Воланда читатель, не совсем ощущает, что Воланд и его сообщники скорее всего зрители, нежели причина поведения москвичей. Стереотипия "раскрытие общественных неполадок" заметно не срабатывает в случае такого романа, который предстает не в виде привычной и реалистической, вещественной и общепонятной "служебной литературы", а для большинства читателей - в совершенно новой поэтической системе.

6/ Выходящие на сцену герои спасают роман

Значительной части читателей в огромной мере мешало то, что герои романа до сих пор не появлялись на сцене и мы, справедливо, могли ожидать, что после их появления /появление Мастера в комнате Ивана и слушание его истории/ у многих сложилась картина, которая постоянно изменялась, а во многих случаях именно раскалывалась ведущимся в нескольких планах романом, а также и переходящей точкой зрения. "КАКИМ ЧЕЛОВЕКОМ ВЫ СЧИТАЕТЕ МАСТЕРА?" спросили мы впервые после прочтения тринадцатой главы. Пять гимназистов считали его просто

симпатичным, шесть - симпатичным и несчастным, три - симпатичным и слабым человеком. Большая часть будущих педагогов также симпатизировала Мастеру и, всего трое, были неуверены в его характеристике. Парным был, естественно, вопрос "КАКИМ ЧЕЛОВЕКОМ ВЫ СЧИТАЕТЕ МАРГАРИТУ?" Четырнадцать гимназистов и тринадцать будущих педагогов считали ее односмысленно симпатичной. Среди будущих педагогов многие почувствовали в Маргарите независимую личность, гимназисты характеризовали ее, скорее как придаток Мастера.

Булганов в эту сложную ткань вплел наряду с известной для многих знакомой любовную историю. Это такой план романа, стиль которого представляет собой ироническое наигрывание на традиции романтики. От читательских горизонтов отделились и вступили в действие хорошо известные, часто употребляемые стереотипы любви. Понятно, не многие, оснащенные такими схемами, распознают за серым фоном /и из-за него/ исключительные фигуры, парящую над Москвой влюбленную пару, которую связывает тоже являющееся исключительной ценностью, художественное произведение, для которого Маргарита, как открыватель, является почти и соавтором. Все это подтверждают ответы, полученные на вопрос "КАК ВЫ ДУМАЕТЕ, КАКОЙ БУДЕТ ИХ РОЛЬ В РОМАНЕ?" Уже само по себе то, что шесть гимназистов и двое будущих педагогов не смогли ответить на этот вопрос, а также то, что один будущий педагог ответил, что "они станут главными героями", а трое гимназистов - что "они найдут друг друга".

7/ Теряющие уверенность и получающие просветление читатели

Круг "жертв" Воланда пополняется новым типом. Берлиоз ушел из мира сего, Иван сошел с ума, Никанора Ивановича, а затем и его доносчика уведут милиционеры /точнее: "неизвестные граждане"/, публика варьете оконфужена.

Два мира /мерило и измеренные/ сливаются друг с другом, черт появляется в "гражданском" виде, а Варенуха - без своей тени. Ощущение этого мы хотели прощупать, между прочим, и вопросом "КАКИМ ЧЕЛОВЕКОМ ВЫ СЧИТАЕТЕ ВАРЕНУХУ?" Римского в обеих группах в одинаковой пропорции характеризовали положительно и отрицательно, удивительно, однако, то, что гимназисты и Варенуху оценили подобным образом: шестеро голосовали за, восьмеро - против него, трое считали его жертвой Воланда. Будущие педагоги в оценке администратора, потерявшего свою тень, были неувереннее: шестеро не знали, куда его определить, трое думали, что он запуган Воландом.

После этого, мы во второй раз задали вопрос, касающийся всеобщей трантовки этого романа "ИЗМЕНИЛОСЬ ЛИ ВАШЕ МНЕНИЕ ОТНОСИТЕЛЬНО ТОГО, ЧТО ХОТЕЛ СООБЩИТЬ ПИСАТЕЛЬ В ЭТОМ РОМАНЕ?" В среде гимназистов наблюдалось изменение в двух направлениях: пропорция ответивших "не знаю" увеличилась с пяти до девяти, зато ответы их уже имели оттенок и были более самоуверенными. В среде будущих педагогов пропорция полностью нерешительных в ответе снизилась до половины. И не могу считать случайным, что дополненные социологическими моментами и моментами критики общества, или ставшие в этом отношении более оттененными трантовки, принадлежат именно тем, кто роль Воланда сформулировал следующим образом: "распознает противоречия и указывает на них", "пробуждает людей, заставляет их искать собственное я среди повседневной мишуры". Это они являются теми читателями, которые способны осмыслить и воспринять общественно-политическое послание не только в виде общепонятной "служебной литературы", а в виде булгановского романа. Затем, мы второй раз спросили "НА ОСНОВАНИИ ПРЕДЫДУЩЕГО, КОГО ИЗ ДЕЙСТВУЮЩИХ ЛИЦ РОМАНА ВЫ СЧИТАЕТЕ СИМПАТИЧНЫМ И КОГО АНТИСИМПАТИЧНЫМ?" После появления главных героев романа в обеих группах, естественно, в первую очередь, изменился порядок симпатичных действующих лиц. В обеих группах читателей на первое место попал Мастер. Маргариту только двое гимназистов нашли не симпатичной, одиннадцать - симпатичной, среди будущих педагогов никто не наложил вето и девятеро из них считали ее симпатичной. Наиболее заметной переменной является то, что значительная часть до сих пор неуверенных, на этот раз сложила свое мнение и вынесла решение. Характеристика Иешуа и Пилата не изменилась ни в одной из групп, однако суждения о прочих действующих лицах в большей или меньшей мере сложились иначе. Все больше отвечающих лишали своей симпатии жертв Воланда и, все больше оценивали их идентично Воланду.

8/ Оценка догматика и диалектика

В главе "Казнь" появляется новое действующее лицо: Левий Матвей. Читатель его глазами может смотреть и, отождествляясь с его пылом, может пережить страдания одного из своих избранников, Иешуа.

После прочтения восемнадцатой главы, сначала мы попросили дать ответ на этот вопрос: "КАК ВЫ ОЦЕНИВАЕТЕ ПОВЕДЕНИЕ ЛЕВИЯ МАТВЕЯ?" Левий Матвей является ключевой фигурой. Преданного, но догматичного ученика Воланд, великий мастер теории света и тени, истерически ненавидит, а его собственный мастер /учитель/ представитель света сильно критикует Берлиоза, Ивана и Левия Матвея можно истолковать, как представителей разных направлений догматизма. Иван является тем, кто вырывается, или скорее "вылечивается" из этого круга. Двое других, по сравнению с ним, фигуры постоянные, но значительно отличающиеся друг от друга. Фанатизм Левия Матвея не только страстный, но и способный к самопожертвованию. Фанатизм Берлиоза - эгоистичный и расчетливый. В обеих группах читателей было всего по одному представителю, которые считали Левия Матвея несимпатичным. Среди гимназистов оговорок было несколько больше, из них пятеро, а из будущих педагогов - двое осудили Левия Матвея, взвесив его недостатки и преимущества.

Несмотря на то, что после представления в варьете Воланд остался почти что на заднем плане и роль уступил скорее своим "подчиненным", мы можем считать справедливой постановку такого вопроса: "КАКОЙ ВЫ ВИДЕТЕ СЕЙЧАС РОЛЬ ВОЛАНДА И ЕГО ПОМОЩНИКОВ?" Среди гимназистов пятеро резко отмежевались от них потому, что "они загубили, разрушили много человеческих жизней, кто ее заслужил - они и с тем были беспощадны". Восемь перечислили и положительные и отрицательные черты. Пятеро охарактеризовали их однозначно положительно, видя их роль, в первую очередь, в свершении правосудия. Между тем, как гимназистов половина, а до тех пор четыре пятых будущих педагогов изменили свое мнение в связи с ними. Будущие педагоги скорее в отрицательную, нежели в положительную сторону.

9/ Чествованная героиня испытывает своих приверженцев

Следует четыре главы о Маргарите, которые могут способствовать активизации более традиционных форм читательского отношения, ведь - наконец - продолжительно присутствует, до сих пор так недостающий, положительный герой, с которым что-то происходит, с чувствами и поведением которого можно отождествиться намного легче, чем с любым из появившихся до сих пор действующих лиц, даже в качестве ведьмы. Испытание отношения, связанного с Маргаритой, естественно, союз героини с Воландом. Можно было рассчитывать на то, что в этой точке у многих читателей симпатия и отождествление разойдутся.

Перед открытием бала сатаны мы задали вопрос: "ЧТО ВЫ СКАЖЕТЕ О ПОВЕДЕНИИ МАРГАРИТЫ?" Среди гимназистов ее осудили только трое, двое - потому, что она "ведет себя, как ослепленная любовью влюбленная", а один потому, что "она сошла с ума от горя". Четверо из будущих педагогов не могли примириться с ней потому, что "она попала во власть банды гипнотизеров", что "она мстительна". Большинство будущих педагогов охарактеризовало поведение Маргариты симпатичным по аналогичным, что и гимназисты, причинам, но имелось и одно-два характерных расхождения. Двое же из них чувствовали, что она мстит не только Латунскому, а и за прожитую ею до сих пор жизнь". Им удалось что-то воспринять из восстающей против редуцированных индивидуумов интегрированной личности.

10/ Нити пересекаются

Булгаковская Маргарита, принимающая участие в "шабаше" - по сравнению с Маргаритами средневековых легенд, отдающих сатане свое тело и душу - остается чистой, для нее этот бал остается скорее чистилищем, чем адом, т.к. она страдает вместе с Фридой, и очищается, ведь это часть ее собственного счастья, условие, поставленное ею собою, будет Фридиным, любовь их обоих переплетается со счастьем других. Своей рискованной просьбой она доказывает сильной стороне,

что счастье их обоих не двухместный эгоизм, а создающее нормы силовое поле /роман, солидарность с другими/. Следующие вопросы мы задали перед эпилогом, после того, как нити пересеклись и действующие лица трех измерений попали в одну плоскость пространства и времени. "Решение" причиняет читателю, привыкшему к традиционным решениям традиционных романов, новые заботы. Мало завершающихся и больше остающихся открытыми определенностей. "Это не движущееся вперед, нумулятивное, а углубляющееся во внутрь повествование" - пишет Ласло Кишóали и справедливо называет произведение Булгакова открытым романом, разговором о вселенной. В него должен включиться и читатель, если он хочет стать читателем этого романа. Дискуссия может проходить и о том "ПОЧЕМУ ОСВОБОДИЛИ НАМЕСТНИКА?", который совершил наитягчайший грех, а именно не отвечающую за ценности трусость. Пятеро будущих педагогов были в нерешительности. Четыре будущих педагога и девять гимназистов считали, что он получил наказание, два будущих педагога и два гимназиста считали, что Пилат пожалел о своем поступке, а два гимназиста и один будущий педагог думали, что он получит возможность для искупления своего греха.

На вопрос "КАК ВЫ ТРАКТУЕТЕ ОКОНЧАНИЕ РОМАНА?" семеро гимназистов и столько же будущих педагогов констатировали, что "все хорошо, что хорошо кончается", "Воланд и его сообщники служили правосудию", "заслужили своей награды", и высказали тому подобные заключения. Четверо гимназистов считали, что относительно достижения счастья окончание романа является несколько пессимистичной позицией, согласно которой на земле оно неосуществимо. И у пяти будущих педагогов имелось такое толкование, правда их формулировка была несколько оттененной и учитывала также и другие моменты. Трактовки большинства, с точки зрения их знака, можно зачислить в две категории: 1/ категорию болельщиков за главных героев, считающих окончание романа хорошо обернувшимся, благополучным; 2/ категорию опасющихся за человечество, за ценности, за общество, считающих такой подход, согласно которому спасение ценностей возможно только путем их извлечения из этого мира, пессимистическим.

В/ Как следует читать текст Булгакова?

Мы попросили пятьдесят трех читателей, знакомых с этим романом, перечитать двадцать четвертую главу "Мастера и Маргариты", носящую заглавие "Извлечение Мастера" для получения с одной стороны картины о том, как понимают язык Булгакова, с другой - как они трактуют одну из важнейших глав романа. Это та самая глава, в которой впервые "пересекаются все его нити". Помимо Воланда и его полной свиты появляются /т.е. впервые встречаются в настоящем времени романа/ главные герои, объявляется доносчик Алоизий Могарыч, "вампирующий" Варенуха, Николай Иванович, превращающийся снова из борава в гражданина с пороссячьим лицом, оборачивающаяся в ведьму Наташа, а на лестничной клетке мы встречаемся и с Аннушкой. Появляется и Фрица, идет речь о довольно многих действующих лицах, так например, о Пилате, Иване, Латунском, Лапшонниковой, Римском, о господине Жане и бароне Менгеле.

1/ Текст

В этой главе самым странным образом ведет себя время. "Оно останавливается, более того, становится реверсильным в то время, как с непоколебимым спокойствием продвигается линейно вперед, в привычном ритме" - пишет Петер Сенте, который обращает внимание и на то, что до появления Мастера в действии, продолжающемся всею один единственный момент, а затем, прилизительно до часу ночи, традиционные истины становятся недействительными.

В этой главе произносятся важные истины, иногда торжественно, иногда небрежно, иногда с иронизированным пафосом. Из уст Воланда мы слышим уже ставшее поговоркой выражение "рукописи не горят", из уст Бегемота - откуда-то уже знакомое "история рассудит нас", Коровьев говорит, что "в открытый предмет может попасть каждый", Мастер - "что раз нет документа, нету и человека", и, также из уст Воланда мы слышим, что милосердие "иногда совершенно неожиданно и коварно пролезает в самые узенькие щелки". Если рассматривать сферу текста пяти высказываний, то можно определить его всевозможные патетические, иронические, юмористические, абсурдные, трагические и сатирические сплавы. Атмосфера, стиль,

структура ценностей этой главы значительно отличается как от тонкой иронии первой главы и от громкого юмора сцены в варьете, так и от фейерверка ужина в "Грибоедове", и от романа заглавных героев, иногда стилизованного до сентиментальности.

2/ Что сохраняется в памяти?

Среди пятидесяти трех опрошенных, прочитавших этот роман, по крайней мере один раз, был только один читатель, который ничего не запомнил из этой главы, а один запомнил только то, что Маргарита была нагой. Остальные, т.е. из пятидесяти трех - пятьдесят два, по крайней мере помнили, что в ней встретились заглавные герои романа /они же помнили и то, что Мастера освободили из психиатрической больницы/. Двенадцать опрошенных /в первую очередь интеллигенция/ запомнили о прощении Фриды, десятеро /прежде всего гуманитарная интеллигенция/ о нахождении рукописи, а шестеро помнили и о возврате подвальной комнате. Из действующих лиц двадцать четвертой главы почти все опрошенные запомнили Воланда, Маргариту и Мастера, но Бегемота, из десяти - только девятеро, Норовьева - только восьмеро. Заметно бросается в глаза, что Фриду помнили меньше, чем Геллу или Аннушку. Характерно, что Фриду и Алоизия Могарыча в первую очередь запомнили представители гуманитарной интеллигенции.

3/ Лексикон

Ведущийся в комнате Воланда разговор, можно охарактеризовать такими эпитетами, как приятный, остроумный, мудрый и страстный. Интересно, насколько способен читатель включиться на этом языке в разговор после бала и, в состоянии ли он следовать за неожиданными оборотами стиля, не начнет ли он нервничать, когда после слов "фрак", "титуловать", "Мессир", "канделябры", слышит такие, как "боров", "сальник", "незнайка"? После вторичного прочтения книги, лексикон наших читателей, т.е. один из показателей пригодности к чтению этого романа, мы пробовали измерить посредством толкования двадцати трех слов /или выражений/ и получили следующие результаты:

	Из пятидесяти трех опрошенных давшие приемлемые ответы	ответившие "не знаю"
галлюцинирует	52	-
икра	50	-
нелегальная литература	50	-
титულიрует	49	-
вампир	48	-
глобус	48	1
вдохновенье	48	3
лунный столб	48	4
незнайка	46	4
анкуратно	45	1
Кремль	41	-
канделябр	40	5
Садовая	40	5
акцент	36	-
фрак	36	-
брюзжать	32	15
Мессир	25	3
алмазная донна	24	9
крестился	21	1
"происхождение обязывает"	21	29
боров	16	10
сальник	11	34
опус	10	16

4/ Понимание многозначительности искусства

"И интереснее всего в этом вранье то, что оно - вранье от первого до последнего слова", так аттестовал Воланд рассказ Бегемота /о его блуждании в пустыне, о добыче тигра и о том, как он его съел/, который остальные назвали враньем. К их удивлению Бегемот отвечает тем, что "история рассудит нас". Очевидно, как мало опрошенных замечают иронию в ответе Бегемота: пятеро вообще в нерешительности, а большая часть принимает его совершенно серьезно и считает, что Бегемот думает о торжестве правды, о сегодня еще не понятых, и оправдываемых в будущем людях, о способном на чудеса человеке, о кажущихся сегодня еще невероятными, но в будущем свершающихся событиях и о доказательстве невинности. Предполагающих, что Бегемот цитирует и пародирует это высказывание, было пятеро, оказавшихся исключительно мужчинами с высшим образованием.

Когда Коровьев доказывает Маргарите, что Азазелло попадет по-выбору в любое предсердие или в любой из желудочков сердца, а Маргарита восклицает с удивлением - "Да ведь они же закрыты!", Коровьев дребезжит, что - "в том-то и штука, что закрыты! В этом-то вся и соль! А в открытый предмет может попасть каждый!" Большинство квалифицированных рабочих, учащиеся средних школ и работники умственного труда, не имеющие высшего образования, из-за рациональных соображений, не согласны с этим заявлением, говоря, что не достаточно видеть цель, в нее нужно уметь попасть. Половина соглашающихся считает это коровьевское заявление само собой разумеющимся и только другая их часть, составляющая не более четверти отвечающих, в первую очередь гуманитарная интеллигенция, дала такие ответы, как "нужно узнать и скрытые свойства", "в мире Воланда сутью является распознавание заднего смысла".

5/ Восприятие пятого измерения

Для многих является неразрешимой задачей и, часть этих читателей, чуть ли не подражая Берлиозу, делает судорожные попытки каким либо образом рационализировать это чудо. Напрасно Коровьев дает ключ к расшифровке секрета, на наш вопрос "Почему не слышали эту какофонию находящиеся на лестничной клетке следователи?", только две трети опрошенных /интеллигенции - четыре пятых, квалифицированных рабочих - только одна треть/ ответили, что какофония находилась в другом измерении. Были и такие, кто просто отверг следователей, были - кто не помнил о какофонии и были такие, которые мотивировали тем, что бал являлся только видением, трюком иллюзиониста.

К восприятию связи между пятым и прочими измерениями /прошлое, рассказанное Воландом, написанное Мастером и приснившееся Ивану, а также оцененная Воландом московская действительность/ относились наши вопросы "Где еще в романе фигурирует полнолуние?", "Имеется ли связь между этим явлением?" Большинство опрошенных также не смогло упомянуть более двух-трех случаев, а ведь полнолуние присутствует почти во всем романе, но во всяком случае во всех наиболее важных его местах и трое действующих лиц романа /Мастер, Пилат и Иван/ не находят покоя при луне.

6/ Рукопись и вдохновение

Афоризму Мастера "нет документа, нет и человека" все без исключения толковали правильно, такой же "однозначной" показалась для всех причина доноса Алоизия Могарыча на автора романа о Понтии Пилате, что свидетельствует о точном восприятии исторической обстановки. По сравнению с этим удивительно многие были неуверенны в толковании ставшего уже классическим выражения "рукописи не горят". В этом случае также довольно много рационализирующего предохранения от художественной двусмысленности.

"Так, стало быть, в арбатский подвал? А кто же будет писать? А мечтания, вдохновение?" спрашивает Воланд у Мастера, а мы от наших читателей ждем ответа на вопрос: "Почему для Воланда важны мечтания и вдохновение?" Ответы являются важными дополнениями и к трактовке образа Воланда. Шестеро из опрошенных - нерешительны. С полдесятка читателей дали такие банальные ответы, как "мечтая,

можно догадаться о многом". Девятеро ответили, что "это важно для Мастера". Четверо считали, что вдохновение и мечтание, без исключения, важны для каждого человека. Четверо из гуманитарной интеллигенции - свидетелями о довольно развитой восприимчивости - ответили на этот вопрос так, что "Воланд - порождение того мира, который является и о очником вдохновения и мечтаний".

7/ Мargarита и Воланд

На вопрос "Почему Margarиту не смущала ее нагота?" очень немногие /десятеро, в первую очередь из интеллигенции/ ответили, что это объясняется пятым измерением, отменяющим законы сего мира и, только двое считали, что ее нагота является символом ее чистоты и очищения. В противоположность им трое читателей мотивировали это тем, что там и другие были нагими. Еще многие из опрошенных пытались дать рациональное пояснение, например, тем, что "Это было в ее интересах, поэтому вытерпела", "она была невидима", "она думала, что это сновидение", "она была в транс", "она была заколдована".

На наш вопрос "Почему Margarита не хотела просить?" большинство /в первую очередь квалифицированные рабочие/ ответило, что из гордости, помня, что и Воланд назвал ее гордой женщиной, когда, стянув с нее тяжелый плащ, усадил ее рядом с собой на кровать. Многие объясняли ее нежелание тем, что она не хотела своей просьбой окончательно обязать себя сатане, некоторые - тем, что она была смущена, а несколько читателей думали, что она не хотела выглядеть эгоисткой.

Ответы, полученные на очень трудный вопрос "Почему Воланд доверил Margarите оправдание Фриды?" также были очень разнообразными. Из многих ответов выясняется, что часть читателей трактует это сказочным искусством. Несколько опрошенных ссылаются на то, что Margarита уже относится к кругу подчиненных Воланда и это задание достается именно ей. Многие /учащиеся средних школ и квалифицированные рабочие, но среди них есть и один библиотекарь/, уменьшают значение этого вопроса, говоря, что эту мелочь может выполнить и Margarита. Характерна попытка трактовки по принципу рассудочности, согласно которому воображаемое существо не может освободить человека от угрызений совести.

Мы могли наблюдать, что почти для каждого читателя было более или менее трудным включиться в такой разговор, театром действия которого являлось пятое измерение, но язык которого все же не просто язык пятого измерения. И для этого романа действительно то, что Бухтин вообще пишет о романе, т.е. что это соединение организованных в художественное единство общественно различающихся речевых навыков, более того, иногда разных языков и индивидуальных речевых стилей." Различается язык и речь не только существующих и попадающих в пятое измерение, а различается также и язык ролей и лиц.

По крайней мере такой же сложной является структура ценности этого текста, ведь довольно разные миры ценностей монтируются во едино и, помимо, ясных противоположностей формулируются также и сложные совокупности ценностей. Как противоположные, так и более гармонирующие совокупности ценностей пронизывает ирония, но в каждом случае - разной концентрации. Иногда в сопровождении сатиры, иногда гротеска, иногда юмора, иногда трагедии, иногда пафоса, и иногда в сопровождении сразу нескольких партий. Трактовка удостоверения, выдаваемого на предмет предъявления в милиции и супруге /порядок является довольно характерным/ намного проще замечания, сделанного выдающим это удостоверение: "с числом бумага станет недействительной", которое указывает не только на то, что время для Воланда и его сообщников означает совсем другое, чем естественное повседневное линейное течение времени, а указывает и на сильную ограниченность истины удостоверений и их действительности.

Одна часть читателей пытается на основании принципа "если уж сказка, то пусть будет совсем сказочной" все трактовать в фантастическом плане сказок и грез. Характерно, что встречаются читатели, которые даже и сыщиков представляют посвященными, людьми Воланда, но это один из крайних случаев, однако довольно характерным.

Вторым способом защиты - который встречается вдвое чаще предыдущего - является рационализация. Мы могли встретиться и с ее несколькими видоизменениями. Некоторые опрошенные все пытаются объяснить рассудительно, даже и Воланда, другие, кроме Воланда - все. Многие пытаются однозначно разграничить докуда сказка, откуда действительность и, таким образом, складываются своеобразные дуалистские толкования. Характерными примерами этого являются, в первую очередь, объяснения относительно распределения задач между Воландом и Маргаритой. Нами наблюдалось, что трудности представляло не только восприятие пронизанного иронией философствования, а и сплавы юмора и иронии, гротеска и иронии. Язык сатиры читатели понимали еще довольно хорошо, но "перевод" пронизанного иронией пафоса уже шел с трудом.

У. ВОСПРИЯТИЕ

А/ Симпатии, позиции, трактовки /герои романа "Мастер и Маргарита" и его венгерские читатели/

В разделах, занимающихся восприятием первых глав романа и процессом чтения всего романа, я пытался дать почувствовать, что высказываемое Аллпортом о воспринимаемом вообще - действительно и для чтения. Воспринимаемое /в качестве единицы ощущения и значения/ является такой процепцией /выражение, дословно перенятое у Г.В.Аллпорта/ которая, помимо когнитивного стиля индивидуума, энергично определяется также и культурными схемами.

1/ Симпатичные и антипатичные герои

В связи с десятью действующими лицами мы задали вопрос "Насколько вы считаете их симпатичными?" и помимо аттестаций "очень симпатичны", "скорее симпатичны, чем антипатичны", "в определенном смысле симпатичны, в другом - антипатичны", "скорее антипатичны, чем симпатичны", "абсолютно антипатичны", опрошенные могли давать и такие ответы, как "не могу решить" и "не помню".

Было трое действующих лиц, которых, на основании всех опрошенных /255 человек/ мы смогли аттестовать однозначно симпатичными, а именно, по порядку: Иешуа, Маргариту и Мастера. В случае трех действующих лиц часть весов только-только началась в сторону симпатии: речь идет об Иване, Левии Матвее и Бегемоте. Воланд, Норовьева и Пилат /в среднем/ получили по крайней мере столько же положительных, сколько и отрицательных оценок. Берлиоз явился тем действующим лицом, которое было аттестовано скорее как антипатичное, чем симпатичное. Оценка Норовьева, Бегемота и Левия Матвея была наименее монолитной.

2/ Изменение и постоянство суждения

Из уже цитируемых двух научных работ, опирающихся на данные небольших образцов, мы смогли ошутить, в какой мере менялось суждение об отдельных действующих лицах. Теперь на основании 2,5 сотен ответов, полученных на вопрос "Есть ли такой герой и, если да, то кто, о ком изменилось ваше мнение во время чтения романа?", мы смогли получить картину о постоянстве, проявляющемся при суждении о действующих лицах и о направлении его изменения.

Наряду с Иешуа, аттестованным наиболее единогласно и положительно - к некоторому удивлению - аттестация Берлиоза представляется самой постоянной, хотя одна группа определенно более, а другая менее симпатизировали ему, а в четырех читательских прослойках /филологов, учащихся средних школ, технической интеллигенции и гуманитарной интеллигенции/ в суждениях о нем наблюдались довольно большие расхождения.

Направление изменений, за исключением одного случая /Левий Матвей/ положительное, в большей части случаев однозначно положительное. В том, что Воланд становится более симпатичным, а Левий Матвей - более антипатичным, мы подозреваем зависимость причины и следствия.

3/ Отождествление с действующими лицами

Последовательность отождествления выглядит иначе, чем последовательность симпатии: 41 процент опрошенных наиболее близкой себе чувствовали Маргариту, 35 процентов - Мастера, за ними следовал всего с 15 процентами Иешуа, 13 процентами - Воланд и Иван, затем с 9 процентами Пилат, с 8 процентами - Левий Матвей и Бегемот, с 4 процентами - Коровьев и с 3 процентами завершал очередь Берлиоз. Можно определить - доказанное многими исследованиями, что симпатии и отождествление различные, но взаимно определяющие /в некоторых случаях по содержанию и перекрывающиеся/ друг друга категории.

4/ С кем вы уже встречались?

Важной канвой трактовки может быть жизненный опыт, ощущение, что "с ним я где-то уже встречался". На упоминание существ, зачисляемых в порядок нечеловеческого бытия, Воланда и его сообщников, а также Иешуа, мы рассчитывали меньше всего. Так и случилось: Иешуа упомянули 11, Воланда - 12, Коровьева - 13, Бегемота - 16 процентов опрошенных. За ними следует Левий Матвей, упомянутый 18 процентами опрошенных и Пилат - 21 процентом. Это также можно считать мотивированным, ведь они не действительные, а библейские фигуры. Маргариту упомянуло 24, Мастера 29, Ивана 32, а Берлиоза 43 процента опрошенных читателей.

Особенно сильно бросающимся в глаза является то, что значительная часть гуманитарной интеллигенции считала знакомыми каждого из действующих лиц, что объясняется не только их большим жизненным опытом. В ощущении "я как-будто уже с ним встречался, заключаются разнообразные знания, впечатления и опыт. То, что эта пропорция является довольно высокой и у филологов /20 %/, располагающих явно меньшим жизненным опытом, указывает на то, что необходимо серьезно учесть и роль литературных впечатлений. Мы можем предполагать и то, что литературные впечатления и жизненный опыт взаимно усиливают друг друга, а их совокупность может усилить знание людей и чувство эмпатии. Вероятно и то, что в отдельных общественных прослойках - например среди интеллигенции - жизненный опыт и литературное впечатление переплетаются сильнее, чем в других прослойках.

5/ Баланс суждений и "предчувствий"

Из исследуемых четырёх измерений - симпатии, отождествления, постоянства мнений и знакомства - поведение десяти наблюдаемых групп больше всего расходилось относительно ощущения знакомства, меньше всего - относительно симпатии. Учитывая все четыре измерения, среди десяти читательских прослоек, сильнее всего отличалось поведение религиозных читателей, в довольно большой мере - гуманитарной и технической интеллигенции, а также и учащихся средних школ.

Из десяти действующих лиц между десятью читательскими прослойками наибольшее расхождение наблюдалось в оценке и "ощущении" Воланда, но не намного меньше и в случае Ивана, Пилата, Маргариты и Берлиоза.

6/ Характеристика и трактовка

Рассматривая трактовку важнейших действующих лиц, мы поставили четыре разных вопроса: а/ мы попросили читателей дать им краткую характеристику. В ответ, в основном, мы получили эпитеты, из которых смогли сделать выводы, в первую очередь относительно восприятия /точнее процепции/ и оценки действующих лиц; б/ мы попросили их оценить заранее заданные трактовки, т.е. с их помощью поставили читателей дать трактовку семи из героев романа; в/ попросили истолно-

вать то-или иное из проявлений и поступков нескольких действующих лиц;
г/ попросили истолковать интеракцию между некоторыми действующими лицами.

а/ Наиболее часто встречающиеся характеристики Воланда:

служит правосудию	19
злой, дьявольский	11
обладающий безграничной властью	9
грубый, неотесанный	8
смышленный, умный	5
целеустремленный	5
таинственный, мистический	4
насмешливый, ироничный	3 процента

Из десяти предложенных трактовок^х в среднем они выбрали 2,5. Последовательность единогласия сложилась следующим образом:

олицетворитель критики и диалектики, раскрывающий людские недостатки	62
смесь добра и зла, бога и сатаны	37
существо, представляющее человеческие ценности и оказывающее помощь людям	33
насмешливое, шутливое, игривое существо	24
он сама история, к нему приравнивается и им измеряется настоящее	21
справедливо решающее, замещающее бога существо	18
замечательный актер	17
злой дух, уничтожающий, унижающий и, ради своего удовольствия, превращающий людей и злоупотребляющий своей властью	13
божественное добро и любовь под маской сатаны	12
властвующий дух безбожного, неземного мира, в котором нет добра и зла, а только ирония и мудрость	12 процентов

б/ За характеристику Иешуа взялись только 85 процентов опрошенных /хотя его нашли самым симпатичным почти все прослойки читателей/. Последовательность этих характеристик выглядит следующим образом:

отзывчивый	15
наивный	9
пассивный	7
смелый	5
мечтатель	4
мудрец	4
правдолюбивый	4
божий	4
библейский Иисус	3
человек	3
бумажная фигура	2
терпеливый	2
чистый	2

Выбирая из предложенных возможных трактовок - в среднем две из них чувствуя своей - читатели отвечали так:

олицетворитель любви, восстающий против эгоизма и власти	70
фигурирующий в Библии Иисус Христос, бог, пожертвовавший собой ради людей	35

^х Схемы трактовок представляют собой частью подход специалистов, частью - непосвященных, которые, естественно, в случае отдельных героев романа довольно в различной мере исчерпывают роль и характер этой фигуры.

революционер-философ, проповедующий	
располагающие к себе идеи	34
психолог, располагающий исключительным	
знанием людей	28
революционер, восстающий против власти	24
неспособный к действию мечтатель	9 процентов

Мужчины намного больше склонны считать его революционером, чем женщины. Подтвердилось то предположение, что мотивы гуманитарной и религиозной интеллигенции, одинаково более среднего отождествляющейся с Иешуа, отличались друг от друга. В образе, сложившемся у религиозной интеллигенции о Иешуа, довольно однозначно преобладают такие черты, как любовь и отзывчивость, а в среде гуманитарной интеллигенции живет несколько образов Иешуа: одни видят в нем мудрого человека, другие - сверхчеловеческое существо, опять таки другие - революционера.

в/ Охарактеризовать Мастера взялся 81 процент опрошенных. О нем сложилась следующая картина:

несовершенный, слабый,	
малодушный	18
художник	8
идеалист	8
пассивный, потерявший цель	6
чистый	5
умный	4
целенаправленный	4
гений, потерпевший крах	
на практике	4
безумный	3 процента

Характеристики религиозных учащихся больше всего отличались от остальных, которые считали Мастера способным, но слабым человеком. Они менее всех симпатизировали ему и отождествлялись с ним. Еще имелось одно характерное расхождение: среди гуманитарной интеллигенции вдвое, а среди религиозных читателей втрое больше считали Мастера художником. Из определений, предложенных относительно Мастера, не было ни одного, которое, по сравнению с остальными, было бы достаточно однозначно выбрано большинством:

талантливый ученый и художник,	
жертва мелкой эпохи	56
настоящий художник, выбор библей-	
ской темы оригинальная мысль,	
смелый поступок	42
талантливый, но не способный к	
действиям интеллигент	36
несовершенный и слабый человек,	
не способный описать за самого	
себя	25
разочарованный в искусстве и ишу-	
щий спасения в любви человек	11
трусливый, беспомощный человек,	
бросающий свою любовь и художест-	
венное поприще	8
безумец	6 процентов

Трактовки образа Мастера, данные четырьмя прослойками читателей, отличаются от остальных: техническая интеллигенция, наряду с талантом, подчеркивает его беспомощность и трусость, филологи, в первую очередь видят в нем преждевременно пришедшего художника, учащиеся средних школ выделяют его смелость и трагическую судьбу, а религиозные ученики, наряду с талантом - его человеческие слабости.

г/ За аттестацию Маргариты из десяти читателей взялось девятеро, в результате чего сложилось следующее суждение о Маргарите:

альтруистка, самоотверженная	12
решительная, смелая	9
преданная	8
незначительная, блеск получает только от Мастера	6
настоящая женщина	6
воплощение любви	5
напризная	4
вольная	3
хорошая	2
чистая	2
романтическая	2
красивая	2
ради счастья способная на само- пожертвование	2 процента

Суждения религиозных читателей сильнее всего отличаются от мнений остальных читателей, которые, в первую очередь, видят Маргариту человеком, приносящим жертву ради счастья /29 %/.

Связь двух заглавных героев, оторванно о романе, немногим больше "любовной истории". Конечно, этого "не больше" все же достаточно для того, чтобы ее даже саму собой невозможно было поместить в категорию "love story". Доказательством тому является и то, что Мастера поразила не столько красота Маргариты, а "необыкновенное, никем не виданное одиночество в глазах". И так, этого не заметила и большая часть читателей. Вероятно не заметила потому, что - даже несмотря на необыкновенные желтые цветы, к Маргарите довольно хорошо может быть применена какая либо схема наивной женщины. То, что Маргарита не просто любовь Мастера, его муза и открывательница и преданная защитница большого произведения, почувствовала довольно большая часть читателей потому, что в их "людской памяти" имелись и подобные литературные образы, но то, что Маргарита имеет и личное отношение к роману Мастера, что это для нее является также и вопросом существования - уже меньшая часть читателей, а ведь Маргарита "говорила, что в этом романе ее жизнь".

Из пяти предложенных трактовок читатели выбрали, собственно, только три, т.к. с двумя согласились только несколько человек:

настоящий человек, смеющий открыто проявить свои чувства в таком мире, в котором все лгут	62
чудесная, смелая женщина, во имя любви восстающая против серости и эгоизма	57
открывательница великого произве- дения и бескорыстная покровитель- ница его автора	45
суеверная женщина, не только ве- рящая в ведьмовство, но и сама практикующая его	5
легкомысленная, ветрянная женщина бросившая своего мужа и вскружив- шая голову большому художнику	2 процента

Две трети опрошенных из первых трех трактовок с двумя были полностью согласны. Образ Маргариты, составленный тремя прослойками, содержал характерные признаки различия, а именно: две группы учащихся, которые считали ее бескорыстной и преданной музой, а также группа религиозной интеллигенции, считающей Маргариту, прежде всего, бескорыстной и самоотверженной.

д/ Из десяти девять опрошенных дали Ивану следующую характеристику:

способен к перемене и развитию	19
задиристый, смешной	11
слабый, поддающийся чужому влиянию человек	11

незначительный	5
глупый	5
заслуживающий сожаления	4
бездарный	3 процента

В этом случае характеристики религиозных читателей больше всего отличались от характеристик остальных опрошенных, немногим более среднего симпатизирующих Ивану: из них вдвое больше видели в нем модель формирующегося человека, половина - считала его смешным, в то же время они высказывались строже и о его умственных способностях.

Аттестация по предложенным трактовкам выглядела следующим образом:

Духовный наследник Мастера единственный москвич /кроме Маргариты/, понявший, что произошло и осознавший пустоту своей жизни	56
Человек, сделавший выводы из происшедших событий, понявший ограниченность и осознавший пустоту прожитой им до сих пор жизни	44
Талантливый молодой поэт, сошед- ший с ума от необыкновенных про- исшествий	24
Жертва Воланда и его сообщников, отомстивших ему за то, что он хотел раскрыть их мистификации	16
Слабонервный, доверчивый человек, совершенно отказавшийся от своего я и попавший под влияние Мастера	16

Соглашавшиеся с первой трактовкой, обычно соглашались и со второй. Разные группы читателей довольно резко расходятся в трактовке Ивана /и, естественно, связей Ивана, особенно с Воландом и Мастером/. Женщины и квалифицированные рабочие, в первую очередь, считают его доверчивым, поддающимся влиянию человеком и жертвой. Религиозные учащиеся считают его глупым, но способным к развитию и слабовольным наследником Мастера. Образ Ивана, составленный религиозной интеллигенцией, самый положительный: они считают его честным, одаренным и способным к развитию человеком.

в/ Из десяти читателей только восемь аттестовали Пилата, а именно:

сознающий свою вину	15
деспот	12
прислужник власти	9
колеблющийся	8
умный	5
гуманный	5
злой	4
жертва	4
слабый	4
двуличный	5
доброжелательный	4
трус	2 процента

Напрасно самый симпатичный из героев, Иешуа, наставлял наших читателей, что самый большой грех - это трусость, т.к. только каждый пятидесятый отвечающий охарактеризовал Пилата трусом. И в этом суждении группа религиозной интеллигенции очень отличалась от большинства, ведь в их среде пропорция, считавших его трусом, составляла не менее, чем 29 процентов. Итак, общая картина выглядит довольно однозначно отрицательной. Такой же является и общая картина трактовок:

прислужник власти	59
одинокий, разочарованный	56

чувствительный человек, вынужденный играть роль деспота	40
колеблющийся	39
доброжелательный, но слабый человек	31
пытающийся править гуманно	16
двухличный	13
деспот	12
юдофоб	11 процентов

Деспотом, двухличным и юдофобом Пилата обычно считают те, кто считает его и прислужником власти. В образе Пилата, составленном религиозными учащимися - наиболее симпатизирующей Пилату и отождествляющейся с ним группой - преобладающими элементами являются одиночество, сознание вины, гуманность и доброжелательность. Подтвержденным, кажется, предположение, согласно которому религиозные учащиеся - в стоимостной системе которых доминирующим достоинством является чистая совесть - оценивая угрызения совести и сознание вины Пилата - симпатизировали ему и отождествлялись с ним, т.е. с таким героем, который большинству читателей был антипатичен.

ж/ Меньше всего читателей взялось за характеристику Берлиоза, а именно только три четверти опрошенных дали ему следующую аттестацию:

умный, образованный	13
чванный	12
прислужник строя	6
догмат	6
карьерист	5
атеист	5
малообразованный	4
достойный сожаления	3

Малообразованным Берлиоза, в первую очередь, считали квалифицированные рабочие, умным, чванным карьеристом - техническая и религиозная интеллигенция, умным атеистом - учащиеся средних школ, а умным и атеистом - религиозные учащиеся.

С каждой из пяти предложенных трактовок довольно многие были согласны /в среднем с двумя/, но ни одна из трактовок не доминировала в худшем случае в той или иной группе, а именно:

представитель догматического мышления	40
малообразованная, самодовольная фигура	40
злоупотребляющий властью бюрократ, из-за которого таланты, подобные Мастеру, не могут добиться успеха	35
смешной пример такого типа, который все объясняет аргументами рассудка	31
образованный атеист, непоколебимый в своих идеях, которого можно от- странить только несчастным случаем	29

Последняя трактовка намного чаще встречается у женщин, чем у мужчин и, в первую очередь, эта трактовка часто имеет место, естественно, среди учащихся средних школ, скорее симпатизирующих, нежели отрицательно относящихся к Берлиозу. Гуманитарная интеллигенция больше других считает Берлиоза догматом, а меньше всех - учащиеся средних школ.

з/ Характеристику Левию Матвею из десяти опрошенных дали только семеро:

преданный	14
фанатик	12
примитивный	7
слуга	6
способный изменить свою жизнь	5

разменивающий учения Иисуса	
на мелочи	4
благонамеренный	3
догмат	3 процента

Часть читателей, считающая Левия Матвея слугой, в первую очередь, квалифицированные рабочие, чувствовали его преданным слугой, остальные - скорее раболепным. Техническая интеллигенция считала его в первую очередь фанатиком, религиозная интеллигенция - благонамеренным, но глупым, учащиеся средних школ на этот раз /включая и религиозных учащихся/ однозначно считали его положительной фигурой, преданным благонамеренным человеком, способным изменить свою жизнь. Не легко объяснить, почему Левия Матвея более симпатичным считали инженеры, а не гуманитарная интеллигенция в то время, как двухкратное количество предыдущих считали последователя Иешуа фанатиком.

и/ За характеристику Бегемота из десяти взяли восемь опрошенных. Наибольшая часть читателей /20 %/ считала его озорным и игривым, наполовину меньшая часть - орудием Воланда. Семь процентов опрошенных видела его симпатичным, столько же насмешливым и циничным. Пропорция считающих Бегемота жестоким составляет 6 процентов, хитрым, фантастичным и антипатичным - по 4 процента, смутьяном - 3 процента. Оценка Бегемота на основании его характеристик положительная, особенно среди гуманитарной и религиозной части интеллигенции.

7/ Редукции различного типа для восприятия действующих лиц

"Нарраторская схема произведения - не схема, аранжируемая в причинных зависимостях намеренного действия, вызывающего события и перемены, не продвигающийся вперед, кумулятивный рассказ, а схема углубляющаяся во внутрь. Она улаживается не в зависимостях последствий, а в зависимостях разгадывания и трактовки. Событие становится узлом повествовательных отношений благодаря тому, что не происходит. "Мастер и Маргарита" открытое произведение, это не отражение, а разговор о вселенной", пишут Ласло Нишбали и Илона Ниш^х. В этот разговор нужно было бы включиться читателю, что совсем не легко, т.к. большинство читателей привыкло слушать, созерцать, наслаждаться романами. Что окончательно трудно, это услышать диафонию между различными разговорами, заполнить пунктированные части разговора и продолжать прерывающийся разговор. Из этой "накофонии" читатели "пытаются" услышать "осмысленные" звуки, если иначе не получается, то путем отключения "мешающих звуков".

А/ Из света и тени - черно-белое

Для того, чтобы этот разговор стал более понятным хотя бы только между двумя героями, значительная часть читателей из лиц, слепленных из света и тени, изготовила однозначно черно-белые фигуры, следующим образом:

а/ Действующие лица: их поступки. Так Воланд будет превращен в смутьяна, Маргарита - в прелюбодейку, Берлиоз - в попавшего в беду, Мастер - в сумасшедшего, предателя своей любви.

б/ Действующие лица: их судьбы. Действующим лицам света и тени трудно симпатизировать, их трудно осудить, но можно жалеть. Так Берлиоз, Мастер и Пилат становятся "несчастливыми беднягами".

в/ Вместо знакомства - осуждение. Моральное осуждение является элементарной потребностью читателей. Его уровни и методы могут быть довольно различными: читатель может осуждать, приравнивая к тому, или иному идеалу, может занимать позицию на основании универсальной этической системы, приговор может быть следствием положительно или отрицательно оцененных черт характера. Может быть заклеймение и может быть превозношение до небес.

^х Ласло Нишбали - Илона Ниш: "Ненадежный индивидуум. Миропонимание и форма романа в "Мастере и Маргарите". 1981 г., рукопись. /Находится в специальной библиотеке Центра библиотековедения и методической работы/

г/ Корреляционные схемы. Связывая с одной выбранной чертой сопрягаемых с нею, читатели создают из личности идеализированную бумажную фигуру. Так становится образованный Берлиоз "живущим ради работы" и "другески расположенным к посторонним джентельменом".

д/ Действующие лица: их единственное свойство. Это наиболее часто встречающийся вариант упрощения личности в плоскую бумажную фигуру. Маргарита - капризная, Левий Матвей - вспыльчивый, фанатичный, а Берлиоз образованный и атеист, Иешуа - наивный, чистый, мечтатель, Иван - беспокойный, поддающийся влиянию, глупый.

е/ Отождествление действующих лиц с героями других произведений. С первого раза, естественно, многие читатели отождествляют Берлиоза с композитором. Четвертая-третья часть читателей отождествляет Воланда, доказывающего существование Иисуса, с самым Иисусом, а многие придерживаются своего представления до второй половины романа. Естественно, многие читатели отождествляют Иешуа с библейским Иисусом.

з/ Отождествление действующих лиц с идеалами. В Иисусе многие видят олицетворителя доброты, в Воланде - правды, в Маргарите - любви или разрушения.

и/ Действующие лица: роли. Это был второй наиболее часто встречающийся способ упрощения. Маргариту почти в каждой группе опрошенных многие считают типичной дамой, Воланда - иллюзионистом и артистом.

Б/ Упрощенное восприятие и трактовка связей между действующими лицами

а/ Войдя в положение одного из действующих лиц. Одной трети читателей и Берлиоз и Воланд кажутся симпатичными. Во многих случаях Воланду симпатизируют потому, что и Берлиоз проявляет к нему интерес. С Маргаритой отождествляется намного больше читателей, чем с Мастером и часть их считает Мастера, с точки зрения самоотверженной Маргариты, трусливым, неверным, предателем.

б/ Дополнительные роли. Многим уже само название подсказывает роли /мастера и ученика, скульптора и его модели/. Еще Иван и Берлиоз не произносят ни слова, но читатели уже "знают" - по их внешности - что Берлиоз и Иван - это богатый и бедный, учитель и ученик, фабрикант и рабочий, отец и сын. Позднее, после прочтения дальнейших глав, многим читателям причиняло заботу то, что эти схемы парных ролей уже не срабатывали.

в/ Подгоняя к шаблону отвлеченных схем. Во многих случаях трактовка всего романа была определена тем, что отношение между Воландом и Берлиозом трактовалось в какой-то схеме хорошего и плохого.

г/ Жертва и козел отпущения. Среди тех читателей, которые из отдельных действующих лиц складывали фигуру-жертву, многие Берлиоза и Воланда, Ивана и Воланда поясняют отношением жертвы и козла отпущения, в обоих случаях объявляя Воланда козлом отпущения.

д/ Помещение одного из действующих лиц вне действия. Многие до конца, а многие только в начале романа думают, что Воланд не что иное, как галлюцинация, фокус-покус, которого невозможно и не нужно принимать в серьез и не считают его общающейся стороной, а только отпечатком душевного состояния Берлиоза.

В/ Упрощение системы зависимостей до связей

Одним из наиболее частых методов расслабления напряженности, вызываемой все более расширяющейся по ходу романа сетевой системой, является упрощение системы связей до одной единственной связи, или до параллельно идущих связей, путем исключения "мешающих моментов" и "третьего лишнего".

а/ Одномерный роман. Не обращая внимания на "остальных" /или рассматривая их только, как эпизодические фигуры/ довольно многие читатели читают это произведение, как классический любовный роман. Отдельные читатели считают главных героев представителями голубовато-сиреневого романса, другие - Фаустом и Маргаритой, третьи - совратителем и совращенной, художником и музой.

б/ Связи, вырванные из связей, т.е. отсутствие распознавания зависимостей. Это наиболее частый случай. Многие так трактуют связь Берлиоза и Воланда, Пилата и Иешуа, Мастера и Маргариты.

в/ Исключение интеллектуальных интеракций. То, что с Пилатом вступает в связь и Иван, и Мастер и Маргарита, причем в довольно интимную связь, без встречи или разговора друг с другом, замечают только очень не многие.

Г/ Всеобъемлющие трактовки

1/ Сопоставление трактовок специалистов и "профанов"

Сопоставление ответов, данных на открытые вопросы анкетных интервью, а также газетных рецензий, журнальных критических статей, научных работ и монографий проблематичны с нескольких точек зрения, но все же не полностью невозможны, а, естественно, и не совсем бесполезны. При сопоставлении за основу мы взяли только те определения специалистов, которые касаются лейтмотива и всеобъемлющей трактовки этого произведения, но основой сопоставления я считал не все трактовки в целом, а их составные элементы:

Элементы трактовок	Процент 100 специа- листов 15-ти ^x	Процент 25-ти вен- герских спе- циалистов	Процент 255-ти вен- герских чи- тателей
соотношение добра и зла	29	32	15
трансцендентность	27	24	9
критика общества	24	36	15
антагонизм власти и ценностей	22	44	10
творчество, искусство	16	24	4
правда, правосудие	14	24	9
личность, завершение, отчуждение	13	28	4
трусость, ответственность, совесть	13	16	7
незначительность, утилитаризм, эгоизм	12	8	7
пассивность, действие, бегство	12	24	2
искупление вины, избавление, надежда	12	8	1
свобода, детерминизм	11	20	3
бытие, небытие, катастрофа	11	8	1
любовь	9	6	7
Воланд это масштаб, история	8	24	1
Человек	9	16	4
любовь, человечность	6	8	2
открытость, догматизм	6	8	2
потеря норм, отсутствие норм	6	12	1
страдание	6	8	0
любовь, расправа	6	4	0
Воланд - приказ изменения	5	4	1
хаос, сумасшедствие	3	0	2
противоположность материального и духовного мира	3	4	2
шанс нового	2	4	0
порядок, законность	2	8	0
главные герои - частные лица	2	8	0
радость, игра	2	8	0
мораль	1	0	5

^x Среди них и Венгрия.

человек манипулируем	0	0	2
литературная жизнь	0	0	1
Иисус действительно жил	0	0	2
чистота, красота	0	0	1
черта не существует	0	0	1

Одним из наиболее заметных выводов этого сопоставления является значительное сходство в последовательности наличия элементов, встречающихся в трантовках специалистов и "профанов" и их частоты повторения. Это сходство, помимо аналогии в генетической программе читателей различной эрудиции, европейской культуры, определяющей их стоимостную систему и вкус и, помимо сходства их исторического опыта, объясняется действием самого булгановского текста.

Значительными, естественно, являются и расхождения. Большинство трантовок несведущих - естественно - состоит из большего количества элементов, чем специалистов, в среднем из более двух с половиной тысяч элементов. В трантовках несведущих намного выше пропорция таких элементов трантовки, которые указывают на толкование, принимающее во внимание только один вид текста. К ним относятся прежде всего элементы трантовки, не фигурирующие в трантовках специалистов. В трантовках специалистов также довольно частыми являются такие элементы, как любовь, власть, отношение добра и зла, а критика общества в читательских трантовках, в большинстве случаев, сама трантовка.

Для немецких трантовок характерным является скорее социологический подход, для польских - этический и теологический, для американских - теологический и социологический, а для венгерских - философско-антропологический. Для довольно гетерогенных по своему составу советских трантовок в целом характерным является скорее отсутствие отдельных элементов, или наличие их в немногим меньшей среднего пропорции, так, например, такие элементы трантовки, как правда, искупление вины, бытие и небытие, страдание, любовь и потеря ценностей в советских трантовках отсутствуют, но намного ниже среднего и пропорция таких элементов трантовки, как критика общества, трусость и ответственность. В то же время ни в коем случае нельзя забывать о двух вещах. Одна из них: между советскими литераторами велся наиболее острый спор об этом произведении, в результате чего многие среди них, в первую очередь, сосредоточились на вопросах и частичных проблемах, возникших в споре. Другая: советские литераторы тщательнее всех занимались филологическими и жанровыми вопросами, связанными с романом. Характерно, что такие элементы трантовок, как трансценденция и критика общества, чаще обычного встречающиеся в английских и американских трантовках, в первую очередь встречаются в сочинениях, печатаемых в широкораспространенных газетах и журналах /Time, Times, Newsweek, Times Literary Supplement/.

2/ Всеобъемлющие трантовки специалистов

В первую очередь, на основании читательской направленности трантующих, т.е. согласно тому, на какой текст, или на какие тексты романа они реагировали наиболее чувствительно, две трети трантовок специалистов можно зачислить в следующие категории: социологизирующие и историко-общественные, морализирующие и этические, антропологизирующие и антропологические, онтологизирующие и онтологические, набожные и теологические, а также остающиеся на уровне анальностей, выхватывающие из романа проблематику добра и зла трантовки. В первую очередь среди последних, да и в прочих категориях, встречались и довольно упрощающие и, естественно, ньюансные трантовки.

а/ Социологизирующие трантовки: Согласно которым в центре романа находится бюрократия, гражданин нового строя, история оскорбления восточно-европейской интеллигенции.

б/ Историко-общественные трантовки: например, Евы Анчел, согласно которой Москва виновата, что ее история остановилась; для бюрократического и деморализованного мира характерен контраст власти и ее претерпевающих; измеряется социалистическое развитие тридцатых годов движущимся двигателем, представляющим приказ изменения.

в/ Морализирующие трактовки: которые точной опоры романа считают вопросы трусости и смелости, согласно которым Булгаков проповедует необходимость моральных столпов, моральный стоицизм, моральную ответственность и самоопределение личности, моральное постоянство.

г/ Этические трактовки: например трактовка Д.Г.Б. Пипера, согласно которому напрасны идеи, грезы и мифы, поскольку грех неизбежен, но под их катализирующим действием в свершившем грех возникает и потребность безнаказности.

д/ Объяснения, упрощающие суть романа до противоречия или связи добра и зла, одинаково встречаются в польских, венгерских, советских, французских, английских и американских трактовках и довольно сложны друг с другом.

е/ Религиозные трактовки: согласно которым эгоистичный, утилитаристский, материалистический мир противопоставляется метафизическому плану, потустороннему миру, религиозной надежде, сверхъестественным силам.

ж/ Теологические трактовки: например трактовка Е. Эриксона, по которому роман доказывает убогую неудовлетворительность материалистической перспективы, а также то, что жизнь включает в себя также и мистический элемент.

з/ Антропологизирующие трактовки: в этой категории даже и упрощающие трактовки содержат важные частичные истины. Такой является и трактовка советского литератора М. Вилиса, согласно которому основное идейное содержание этого романа заключается в том, что зло потому зло, что оно бесчеловечно.

и/ Антропологические трактовки: такой, например, является трактовка Енэ Альфельди, согласно которому темой этого романа являются наиболее характерные черты человеческой личности, а именно свобода, творчество, любовь и радость.

к/ Онтологизирующие трактовки: по мнению многих толкователей романа, это произведение просто проповедует торжество истины.

л/ Онтологические трактовки: например, трактовка чешской специалистки Е. Олоновой, согласно которой Булгаков спорит с Гете, когда своим произведением доказывает то, что "неповторимое мгновение можно остановить и заполнить его своеобразным содержанием". Трактовка Гезы Фейя тоже является "настоящим толкованием бытия": в бытии невообразим такой перевес зла, как в земном существовании. Е. Базарелли свою трактовку обобщает так: любовь - это больше, чем истина.

м/ Общественно-антропологическая трактовка, например, Дюль Кирай, который считает, что раскрываемый перед нами новый социалистический мир, функционирует не с людьми, представленными Марксом, именно поэтому он функционирует с запинками.

н/ Общественно-этическая трактовка: например, трактовка Ф.Шонаера, который считает, что трусость это не наследие, а действующая причина и пояснение злоупотребления политической властью.

о/ Историко-теологическая трактовка: американского специалиста Д. Дилени, который из разных текстов романа вычитывает то, что революция не подействовала благотворительно на человеческий характер, осталась религиозная надежда.

п/ Антропологическая и этическая трактовка: польского специалиста В. Мацяги, который основной мыслью романа /и главной задачей Воланда/ чувствует пробуждение совести в таком смысле, что человек может грешить и творить добро только в решающем положении /развязки/.

р/ Антропологическая и теологическая трактовка Пала Белохорского, по которому идейное содержание романа заключается в том, что человек располагает и метафизическим планом, это "материалистическое трансцендентирование" является "подлунным" свойством созерцающего человека так же, как и любовь.

с/ Антропологическая и онтологическая трактовка румынской специалистки Илии Силади, согласно которой в центре романа находятся основные ценности - свобода, личность и правда.

т/ В ряд этических и онтологических трактовок можно зачислить трактовку В. Ворошильского, разделяющего мнение тех, согласно которому идейное содержание романа заключается в том определении Иешуа, что самый ужасный грех это трусость.

у/ Теологической и этической можно назвать трактовку М. Иовановича, который идею романа чувствует в изображении возможности свободного морального выбора, проявляющегося в сверхъестественной вере и любви.

3/ Структура читательских трактовок

Объемлющей все произведение трактовкой, в первую очередь, мы считали ответы, данные на вопрос "Что вы считаете самой важной мыслью романа", но и ответы, полученные на вопрос "Наково ваше мнение о романе?" мы также учли, как дополнительную информацию. То, что в части случаев, составляющих 13 процентов, мы не получили существенных ответов на этот вопрос, не явилось для нас особым сюрпризом потому, что читатели просто не смогли сформулировать свои чувства и мысли. Самой высокой их пропорция наблюдалась в среде квалифицированных рабочих и учащихся средних школ /20 и 16 процентов/.

56 процентов трактовок - это мы смогли уже ощутить и при сопоставлении трактовок "профанов" и специалистов - "одномерные", т.е. большая часть читателей из романа выхватывает только одну нить, одну плоскость, одну мысль. Эта категория также может быть разбита на три группы: одна из групп выражает свою мысль обобщенно, банальностями /"любовь все побеждает", "добро будет вознаграждено"/, для трактовок другой группы характерны аргументы, оригинальность и анализ, для третьей группы - ни одна из "крайностей". На такие же группы можно подразделить и категорию тех читателей /они составляют половину предыдущей/, которые свои трактовки составляют из нескольких нитей, из чтений нескольких текстов.

Одна треть читательских трактовок имеет отвлеченный характер /оудь-то банальность, или оригинальная мысль, несущая на себе отпечаток личности читателя, а возможно и мысль, соразмерная мысли специалистов/, остальные связаны или с каким либо действующим лицом, или с историей. Так, например, 11 процентов трактовок ссылаются всего лишь на Москву, обычно только на основании московского текста. Только на любовь Мастера и Маргариты ссылаются 8 процентов трактовок, зато 28 процентов - это трактовки учащихся средних школ. Можно рискнуть, сказав, что треть гимназистов пробавала читать эту книгу, как что-то подобное любовному роману. Пропорция ссылающихся только на "Иерусалимскую сцену" самая высокая среди работников умственного труда не имеющих законченного высшего образования /15 %/. Характерно, что пропорция тех трактовок, в которых фигурирует и Воланд, самая низкая у квалифицированных рабочих и технической интеллигенции.

4/ Содержание читательских трактовок

а/ Историко-общественный подход характерен для 33 процентов читательских трактовок, в 6 процентах трактовок, в большей части случаев, речь идет о социологизирующих толкованиях. /Среди мужчин пропорция трактовок такого типа вдвое больше, чем среди женщин/. Историко-общественный подход в большинстве случаев означает такие банальности, как "Москва тридцатых годов", "картина общества", "картина эпохи". В более детализирующих, чем эти, трактовках чаще всего /в 4 процентах трактовок/ появляется связь искусства и общества того времени.

б/ Круг проблем, касающихся власти, довольно часто сливается с историко-общественным подходом. Политический или моральный подход к вопросу власти встречается в 15 процентах всех трактовок. Чаще всего он встречается в трактовках филологов и гуманитарной интеллигенции, а реже всего в трактовках учащихся средних школ.

в/ Художник, творец является, в первую очередь, мотивом ранее изложенных типов трактовок, сам по себе, как само толкование он встречается довольно редко /1 %/. Этот элемент трактовки встречается в 8 процентах всех трактовок, в половине случаев довольно преувеличено.

г/ Вопрос добра и зла фигурирует в 15 процентах трактовок, а в 3-х процентах - фигурирует только этот вопрос. У женщин этот вопрос встречается вдвое чаще, чем у мужчин, в наибольшей пропорции - у работников умственного труда, не имеющих высшего образования, в наименьшей - среди учащихся средних школ и реже среднего - в кругу технической интеллигенции; а среди религиозных читателей - вдвое чаще, чем среди других.

д/ Проблема правосудия встречается в 13 процентах трактовок, но только в 2-х процентах она является единственным элементом. 4 процента читателей выделяют торжество истины, немногим больше /5 %/ - роль Воланда, как свершителя правосудия.

е/ Нормы морали, человеческие ценности и гуманизм встречаются в 16 процентах трактовок, в 5-ти процентах фигурируют только эти элементы. В трактовках женщин они встречаются втрое чаще, чем в трактовках мужчин, у религиозных читателей в два с половиной раза чаще, чем у остальных.

ж/ Любовь фигурирует в 9 процентах трактовок и, в большей части случаев занимает монопольное положение, в первую очередь, среди учащихся средних школ, которые упоминают ее чаще, чем остальные, то же наблюдается и в кругу женщин.

з/ Человеческое поведение и поступки встречаются в 18 процентах трактовок, а только эти элементы фигурируют в 5 процентах трактовок. В половине случаев встречаются всего лишь общие фразы: "тайны человеческой души", "противоречивость человеческой души", "человеческие поступки".

и/ Основные вопросы человеческого бытия мы можем найти в 9 процентах читательских трактовок, 3 процента составляют только эти вопросы. Часть трактовок такого типа /2 %/ придерживается общих фраз, но и другие также нельзя назвать онтологическими трактовками.

к/ Связь действительного и нереального составляет суть 4 процентов трактовок, согласно которым мысль романа заключается в том, что "черт существует", что "бог существует", что "есть потусторонний мир", зато в 10 процентах всех трактовок "всплывает" этот элемент трактовки.

5/ Очная ставка читателей с мнениями специалистов

21 трактовку, аттестованную читателями, мы считали возможными чтениями романа. При составлении "трактовок-тестов", мы возможные толкования романа, в первую очередь учитывали таким образом, чтобы упрощающие в каком-либо направлении трактовки составляли большинство перечисленных мнений. Вопрос был поставлен так: "Ниже вы сможете прочесть мнения, трактовки литераторов, критиков и филологов. Сравните свое мнение с их мнением и определите, полностью или только частично вы согласны с ними, или ваши мнения расходятся?"

При оценке результатов "трактовок-тестов" во-первых необходимо определить то, что эта картина во многом напоминает картину, сложившуюся на основании формулировок читателей, ведь трактовки, выбранные и сформулированные большинством читателей, указали на довольно серьезное сходство. Среди трактовок, получивших наибольшее число голосов, большей частью фигурировали те, которые, если и не были "одномерными", все же не являлись трактовками, основывающимися на все важные тексты романа и в их центре фигурировали такие элементы, как критика общества, верность и правосудие. Одновременно, следует констатировать и то, что среди трактовок, принятых большинством, находились и такие, которые базировались на важные тексты романа, а также и то, что большинство, самым однозначным образом отвергнутых, трактовок было построено на общих фразах и было фальшивыми.

В/ Эффект романа

1/ Понравился ли Вам этот роман?

Помимо вопроса "Понравился ли Вам этот роман?", чтобы познакомиться с оценкой романа, мы задали еще два вопроса: "Каково Ваше мнение об этом романе?", "Каково Ваше мнение о художественной ценности романа?" Прежде всего нужно было ответить на наименее влияющий на ответы вопрос "Каково Ваше мнение ...?", а оценка художественной ценности была третьей на очереди. На основании ответов, полученных на эти три вопроса, баланс оценки романа однозначно положительный:

Каково Ваше мнение?		Понравился ли?		Ценный ли?	
1	2	3	4	5	6
однозначно положительное	42 %	понравился больше всего	4 %	ценнее его еще не встречал	2 %
		очень понравился	43 %	выдающейся ценности	61 %
скорее положительное, чем отрицательное	32 %	понравился	28 %	ценный, но не особенно	15 %
понравился постепенно	5 %				
оставил безразличным	8 %	оставил безразличным	28 %	средней ценности	4 %
		и понравился и не понравился	17 %	не может решить	16 %
скорее отрицательное, чем положительное	4 %	не понравился	5 %	едва имеет какую либо ценность	2 %
однозначно отрицательное	6 %				

Пользуясь пятиступенчатой шкалой успеха романа^X, среди различных слоев читателей сложилась следующая последовательность относительно его восприятия:

филологи	1,53
25-29-летние	1,51
религиозная интеллигенция	1,39
религиозные учащиеся средних школ	1,33
20-24-летние	1,22
мужчины	1,23
женщины	1,17
техническая интеллигенция	1,10
гуманитарная интеллигенция	1,08
30-39-летние	1,00
работники умственного труда без высшего образования	0,92
учащиеся средних школ	0,86

^X На которой оценка "очень понравился" была представлена значением +2; "понравился" - +1; "не понравился" - -1; "и понравился, и не понравился" - 0; "оставил безразличным" - также 0.

читатели, старше 40 лет	0,86
15-19-летние	0,77
квалифицированные рабочие	0,61

Эта последовательность, демонстрирующая степень успеха романа, хорошо показывает, как скрывают ответы типа "понравился" расхождения в трактовках /это мы смогли ошутить/ и эффекта /это мы увидим позднее/.

Естественно, ответы, данные на вопрос "Каково Ваше мнение об этом романе?" говорят о восприятии романа гораздо больше, чем влияющий и на решение, и на формулировку вопрос "понравился ли?" Среди ответов по сути наиболее частыми /30 %/ являются оценки, считающие роман увлекательным, интересным, захватывающим. Восемь процентов составляла пропорция тех, кто аттестовал роман тяжелым, и столько же тех, которые его странным, чужеродным. С восторгом о романе откликнулось семь процентов отвечающих.

Несколько больше об эффекте романа говорят наиболее частые мотивировки оценивающих ответов, данных на вопрос "Понравился ли Вам этот роман?"

Положительные черты романа:	Ответы, %
Что понравилось в нем?	
то, что развлекал	17
мысли	13
критика общества	10
композиция	8
эффект	8
новизна	7
отождествляемость с ним	7
его фантазия	5
библейский круг проблем	5
стиль	5
форма	4
смесь сказки и действительности	4
юмор	4

Что кажется вероятным из этого перечисления, так это многостороннее влияние /эффект/ романа. Кажется, что этот роман одновременно - если даже и не одинаково - влиял на эмоции и на мышление.

3/ Довольны ли Вы?

На вопрос "Получили ли Вы от романа то, чего ожидали?" ответы распределяются следующим образом:

получил	31
ничего не ожидал	23
больше ожидаемого	21
не получил	9
частично	4
он иной, чем ожидал	5
прочие ответы	3
не ответили	4 процента

Поскольку подобные вопросы в венгерских исследованиях почти не фигурировали, то мы установили только то, что с точки зрения удовлетворенности, баланс романа положительный, что, конечно, зная его аттестации, не удовлетворительно.

С точки зрения меры ожиданий и степени восприятия романа, можно было различить следующие случаи:

ожидания ниже среднего холодный прием	квалифицированные рабочие, техническая интеллигенция
меньшие ожидания средний прием	работники умственного труда без высшего образования

большие ожидания
холодный прием

учащиеся средних школ

большие ожидания
средний прием

гуманитарная интеллигенция
религиозные учащиеся средних школ

большие ожидания
теплый прием

филологи, религиозная
интеллигенция

4/ Что Вы чувствовали?

После постановки вопроса "Попытайтесь вспомнить, что Вы чувствовали, когда закончили чтение этого романа?" из 32-х возможных ответов, читатели могли выбрать семь самых подходящих для них. Если бы они все возможные ответы выбрали в одинаковой пропорции, то мы получили бы 22 процента, но, естественно, этого не произошло. 13 возможных ответов менее 10 процентов опрошенных чувствовали своими, а один - более двух третей, как раз вдвое столько, сколько следующий за ним ответ. Многократность выборов, отражающих чувства читателей - а, естественно и эффект романа, сложились следующим образом:

заставил задуматься	70
развлек	38
вызвал головолomку	36
раскрыл новые зависимости	33
расширил мой кругозор	33
сообщил новое	27
заставил занять позицию	24
сообщил знания	22
доставил наслаждение	20
расстрогал	19
укрепил	17
формировал мое мировоззрение	15
освободил	13
подтвердил мои представления	13
ввел в замешательство	13
растревожил	12
развеселил	11
поставил перед решением задачи	10
освежил	9
показал пример	9
успокоил	7
раздосадовал	7
побудил к действию	6
вызвал разочарование	6
утомил	6
поставил передо мной зеркало	6
огорчил	5
оставил безразличным	4
я стал другим человеком	4
пробудил чувство вины	3
вызвал страх	3 процента

Можно определить, что в сравнении со средним значением /22 процента/ меньшая пропорция читателей романа чувствовала ответы, определяющие неприятный эффект, своими. Элементы эффекта, представляющие приятность в выборе фигурировали в большей пропорции, а элемент "развлек" попал на второе место. В подобной пропорции встречались элементы эффекта, обозначающие укрепление /"растревожил", "потряс", "расстрогал"/. Выше средней /22 %/ была пропорция элементов эффекта новизны и знания. Приблизительно такой же была пропорция элементов эффекта, указывающих одновременно на интеллектуальное и эмоциональное потрясение, на изменяющее, а то и катарктическое действие.

5/ Как он подействовал на них?

Выяснилось, что на венгерских читателей роман в семидесятых годах в значительной мере подействовал своей новизной, в роли информационного, сообщающего знания чтения. На вопрос "Узнали ли Вы что либо новое о мире?" 14 процентов читателей ответило, что известные вещи предстали перед ними в новом свете, или зависимости. Две трети конкретных ответов связаны с Советским Союзом, а одна треть - с Библией.

Мы смогли почувствовать уже и при толковании ответов, полученных на вопросы "Назово Ваше мнение о нем?", "Почему он Вам понравился?" и "Что Вы чувствовали?", следы того, что роман можно читать и как комедию и как бурлеск, но о том, почувствовали ли, оценили ли, поняли ли читатели тканый иронией юмор Булганова, мы можем сделать вывод по ответам, полученным на вопрос "Смеялись ли Вы во время чтения романа?".

Учащихся средних школ и квалифицированных рабочих, в первую очередь, рассмешил Бегемот. К "юмору" Воланда наиболее восприимчивой оказалась гуманитарная часть интеллигенции, а поведение москвичей больше всех заставило смеяться филологов. Маргарита в роли ведьмы в первую очередь веселила учащихся средних школ.

Девять процентов ответивших на вопрос "Почему Вам понравился этот роман?" упоминали стиль или форму романа и 20 % составляла пропорция тех, кто получал от него наслаждение. Из всего этого еще трудно сделать вывод о том, в какой мере действовало на них оформление романа. Об этом несколько больше мы сможем узнать из ответов, полученных на вопросы "Сможете ли Вы упомянуть такой отрывок романа, о котором можно сказать, что он красивый?" Помимо не ответивших, составивших шесть процентов, пропорция давших отрицательный ответ составила всего 10 %.

Частота ответов различного типа по-порядку, сложилась следующим образом:

любовь Мастера и Маргариты	32
библейская часть	19
завершение	11
изображение Пилата	8
описание бала	4
полет Маргариты	4
полет Воланда во вселенной	4 процента

Три вопроса относились непосредственно к глубине эффекта: "Встречались ли Вам скучные места в романе?", "Есть ли что-нибудь, что под влиянием романа Вы стали видеть иначе?" и "Подходит ли к какому-нибудь отрывку, действию романа выражение "потрясающий"?"

62 процента ответивших вообще не считало роман скучным, менее всех скучали над ним филологи /80 %/ и более других - учащиеся средних школ и инженеры /40 - 50 %/.

На вопрос "Подходит ли к какому-нибудь отрывку романа, что он "потрясающий"? 78 процентов опрошенных ответило положительно. Что они считали потрясающим? Наиболее частым типом ответов являлись следующие:

жизнь Мастера	18 процентов
библейская часть	12
наказание москвичей	8
ноцовка романа	8
судьба Пилата	8
смерть Берлиоза	7
верность Маргариты	6
судьба Ивана	4
бал	4
весь роман	2

В кругу гуманитарной интеллигенции чаще встречается такая форма эмоционального и интеллеktуального потрясения, у которой сознательная, когнитивная, рациональная составляющая выражена наиболее резко. Выбор учащихся средних школ в значительной мере расходится с выбором других по двум пунктам: смерть Берлиоза и верность Маргариты фигурировали в их ответах вдвое чаще. Поведение религиозных читателей больше всего отличается от других, которые в четыре - пять раз большей пропорции, чем другие, считают потрясающей - в первую очередь судьбу Пилата, а во вторую - Ивана, т.е. судьбу наказуемых и новообращенных. Кажется, что среди них роман намного сильнее действовал в моральном измерении, чем среди других.

Читатели, чувствующие потрясением весь роман в целом и его отдельные части, в пропорции выше средней представлены среди тех:

кто ценил роман и из-за его иронии
кого роман заставил задуматься
кому доставил наслаждение
кого укрепил
кого успокоил
кого освободил
кого освежил
кто, прочитав его почувствовал себя другим человеком
кого вывел из равновесия
чьи представления подтвердил.

Ставшие под влиянием романа смотреть на мир иными глазами, в выше среднего пропорции находятся среди тех,

кому роман очень понравился
на кого юмор романа произвел впечатление
кто ценил роман и за его новизну
кому роман понравился потому, что они чувствовали,
что в нем говорится о них
кто получил от романа то, чего ждал, или больше
кому одновременно сообщил новое о недалеком прошлом
и о веке Иисуса
у которых по прочтении романа, возникло чувство вины
кого он потряс
кто получил от него наслаждение
для кого он послужил примером
кого освободил
перед кем он открыл новые зависимости.

Г/ Читательские отношения

Петер Йожа так заканчивает свое сочинение, занимающееся читательской трактовкой романа Семпруна "Длинное путешествие": "нельзя приходить к такому пессимистическому выводу, что в эстетической практике общества смысл текста не создается, а скорее теряется: это в таком виде, обобщенно, абсолютно неверно. Но это явление существует". Насколько оно существует, можно было хорошо ощутить из предыдущих разделов. Текст может создаваться и не просто как реконструкция, а как своеобразная прибавочная стоимость, в качестве того разговора, в котором уже принимает участие и читатель.

а/ Индукция посредством синтеза. Мы могли ощутить, что в значительной части случаев для отношения действующих лиц романа и читателей характерна индукция без синтеза. Бездистанционное отождествление с одним или другим героем почти исключило более утонченное восприятие и трактовку связей других действующих лиц, или между действующими лицами. Пример довольно многих читателей подтверждает, что одним из возможных путей всеобъемлющей трактовки и отождествления с проблемой является толкование всех связей того или иного действующего лица таким образом, что они не только отождествляют себя с действующими лицами, а и анализируют их связи и делают выводы.

б/ Дедукция посредством анализа. Многие пошли и по этому пути, но остановились перед дедукцией, не решаясь отбросить свой панцырь стереотипов. Так возникли упрощающие социологизирующие, морализирующие и онтологизирующие отрывки трактовок. Остальным, однако, удалось спуститься с высот отвлеченности и заметить людей, которые сверхом назвали только бумажными фигурами, воплощающими идеи и теории. Кроме социологической дедукции, дополняющейся анализом, онтологическая дедукция, продолжающаяся анализом, также оказалась приемлемым путем. Еще более приемлем сплав этических, социологических и онтологических абстракций, если он завершился анализом.

А.Х.Маслов различает восприятие, руководимое интересами и когнитивное эстетическое восприятие. Первое - абстрактное, осуждающее и вмешивающееся, когнитивное - более конкретное и менее селективное. Повидимому такое восприятие означает более благоприятную предпосылку для восприятия осязаемого отображаемого художественного текста. Однако значительная часть действительных читателей не вмещается в эту модель. Мы могли пронаблюдать, что и восприятие открытого, впитывающего в себя текст читателя, является процепцией, определенной культурной схемой, ценностями и интересами. Мы смогли ошутить и то, что элементарной читательской потребностью является осуждение, в виде плоского морализирования, либо этического приговора. Правда, модель Маслова - это модель восприятия, но мы могли заметить, что восприятие, оценка и трактовка составляют органическое единое. Именно поэтому я считаю модель приема более пригодной, чем двуступенчатая модель восприятия и трактовки.

В разработке модели, пригодной для помещения большинства читательских отношений, серьезную помощь оказали Ленхардт и Йожа. Ленхардт различает три метода чтения: бездистанционный, осуждающий на основании событий или когерентных этических систем и синтетический или социологический способ подхода, которые он называет читательскими системами. С бездистанционным читательским подходом мы часто могли встретиться и в нашем исследовании, в первую очередь с наивным бездистанционным отждествлением. Мы могли встретиться и с такими случаями, которые можно было бы охарактеризовать как раз преувеличенно большой дистанцией. Что касается синтетической системы чтения, в нашем исследовании, помимо ее социологического варианта, мы могли встретиться и с ее этическими и онтологическими видоизменениями, а также с ее тремя сплавами различного состава, причем как среди индуктивно-обобщающих, так и среди дедуктивно-аналитических подходов. Йожа различает два читательских приспособляющихся метода /т.е. наиболее обычную ориентацию, фокус внимания читателя/, личный и общественный. Он различает также и три способа чтения /отношение читателя к материалу повествования/; а именно: фактический /или феноменальный/, отождествляюще-эмоциональный и аналитико-синтетический способы чтения. Что касается личной и общественной ориентации, то предыдущую мы могли ошутить в первую очередь в индуктивных, а последнюю в дедуктивных читательских подходах. А в трех разных способах чтения я более-менее удобно могу поместить большинство встречающихся в нашем исследовании читательских отношений и скрывающихся за ними стратегий чтения. В первую очередь, опираясь на это соображение, наиболее пригодной я считаю модель, состоящую из четырех различных стратегий чтения, по крайней мере для того, чтобы читательские отношения, наблюдаемые в проведенных мною исследованиях восприятия, встали на свои места.

а/ Фактическая стратегия чтения. Эти читатели регистрируют исключительно моменты действия, оставаясь на уровне явлений, вещей и происшествий. Таких читателей, среди воспринимающих "Мастера и Маргариту", мы могли встретить довольно мало, поскольку эта стратегия чтения почти исключает диалог с Булгаковым. Этот роман можно читать и как любовный романс, но это уже требует определенного эмоционального отождествления, однако, едва ли он читаем в качестве простого приключенческого романа.

б/ Наивная стратегия чтения. Эти читатели, можно сказать, слишком близко приближаются к произведению и вступают в чересчур уж интимные отношения с его действующими лицами. Они отождествляются с ними, а не с проблемами, делаемыми ошутимыми их отношениями, их связями. Характерной для них является индукция без синтеза, отсутствие дистанции и в определенной мере и ним подходит руководствование интересами /хотя это уравнивается, нейтрализуется наивным удивлением/, а также и ассимилирующий подход /но они поглощают не все произведения, а "проглатывают" только изблюбленных героев/. Произведение не настолько растворяется в них, насколько они - в мире грез этого произведения. Можно сказать, что мир произведения они упрощают, до маленького мирка грез, приспособли-

вая его к своему масштабу. Для них намного характернее личная, нежели общественная ориентация, скорее резонерство, чем этическое обдумывание. Первое впечатление действует на них довольно серьезно. Они могут серьезно прийти в замешательство, если их любимый герой начнет терзаться, метаться, если станет двусмысленным, если "бессмысленно" погибнет, ведь эти читатели от литературного произведения ждут исполнения своих желаний.

Большинству читателей, зачисляемых в эту категорию, это произведение нравится или очень нравится, да и литературное достоинство большинства из них помещает на самое высокое деление шкалы. Среди них намного больше читателей симпатизировало и отождествляло с действующими лицами, чем в предыдущей категории. Преобладающая часть читателей, зачисляемых в эту категорию, проявила понимание или симпатию к Берлиозу и меньшей - к Воланду. В оценке действующих лиц, кроме заглавных героев романа, они оказались в общем довольно неуверенными. Большинство их всеобъемлющих трактовок одномерно и может быть зачислено в категорию морализирующих, онтологизирующих и психологизирующих, их главным мотивом является торжество истины и любви. Они не знают, что делать с композицией иронической ценности, критикой общества, философией бытия и трансценденцией романа. Они довольно склонны к тому, чтобы очень многое толковать сказкой, намного больше, чем читатели, зачисленные в другие три категории.

в/ Рациональная стратегия чтения. Эти читатели находятся слишком далеко от этого произведения, в их случае дистанция слишком велика. Они не способны, или способны меньше нужного к отождествлению. Они могут охватить несколько героев и их связи, но не вступают с ними в близкие отношения. Они видят это произведение сверху, но на слишком большом расстоянии. Для них характерна дедукция без анализа, критический, рациональный аттитюд. Их характеризует скорее общественный и онтологический подход, нежели личный. У этих читателей этическое обдумывание встречается чаще, чем у предыдущих, но и среди них чаще встречается скорее упрощающее, оперирующее категориями добро и зло мировоззрение. Для них относительно исполнения желаний характерна форма самоподтверждения. Для них мир романа - это не мир грез, а скорее познаваемый мир, который они иногда читают как "non fiction", в первую очередь черпая из него новые познания.

Читателям, зачисляемым в обсуждаемую тут категорию, в общем этот роман понравился меньше, чем читателям с другой стратегией чтения. Влияние романа в этой среде, в первую очередь, может быть охарактеризовано такими элементами, как пополнение знаний и расширение кругозора, но характерными элементами эффекта являются также и равнодушие, разочарование, смущение, а также пробуждение мысли, побуждение к составлению своего мнения и укрепление. Многомерная суть, фантастичность и трансцендентность произведения большинству этих читателей причиняли заботу. Заметно низкой в этой среде является пропорция тех, кто смог отождествиться с каким либо действующим лицом, да и симпатизирование среди них также наблюдалось в меньшей степени. Очень многие окончание романа считали плохим, сказочным, хаотичным и предлагали реальное, однозначное завершение. Большинство их всеобъемлющих трактовок можно зачислить в категорию социологизирующих, морализирующих и политиканских. В этой категории большая пропорция читателей, не понимающих все произведение в целом или его части, была намного значительнее, чем в предыдущей, но вину в этом в большинстве случаев они приписывали произведению, в то время как многие читатели, для которых характерна другая стратегия чтения, искали вину в себе.

г/ Аналитико-обобщающая стратегия чтения. Для этих читателей характерен активный и открытый читательский аттитюд, обязательство выполнения умственной работы, но не под знаком "вмешательства", а в виде диалога. Дополняемый анализом дедуктивный и кульминируемый синтезом индуктивный подход и подходы скорее личной и скорее общественной ориентации, являются равноценными вариантами этой стратегии чтения. Читатель с аналитико-обобщающей стратегией чтения одной ногой стоит в здешней, а второй - в другой системе бытия, пользуясь иным сравнением: два мира играют роль сообщающегося сосуда между определяющим читателя здешним миром и миром произведения. Читатель отождествляется не настолько с героями, насколько с проблемами /или и через героев - с проблемами/ одновременно, осуждая их и вживаясь в них. Для этой читательской стратегии характерны

не настолько ассимиляция и приспособление, а скорее согласование ценности и конфронтация, которая дает больше шансов для катарзиса /морального очищения/, т.е. одновременно для интеллектуального и морального потрясения, чем остальные стратегии чтения.

Читателям, для которых характерным являлась аналитико-обобщающая стратегия чтения, больше всего нравилось произведение, в них оно скорее всего вызвало одновременно эмоциональное и интеллектуальное потрясение. Среди их трактовок было гораздо больше среднего этических, онтологических, антропологических и историко-общественных трактовок /и их сплавов/. Они отождествлялись и симпатизировали меньшему количеству действующих лиц, чем читатели, для которых характерна наивная и большему, чем для которых характерна рациональная стратегия чтения. По преимуществу они видели правильно роль Воланда, связь Воланда и Левия Матвея. Они лучше всех поняли иронию романа /так, например, роль трамвая, управляемого комсомольской-водителем/. Среди них в наибольшей пропорции отождествляли голову, появившуюся в видении Пилата с головой цезаря.

Д/ Факторы, влияющие на восприятие

Из совокупия факторов, поределяющих процепцию и трантовку, оценку и эффект /т.е. зависимые переменные/, а также влияющие на них культурные схемы и стратегии чтения /как из независимых переменных/ мы смогли рассмотреть только роль нескольких социологических и социалпсихологических факторов, причем, из-за малого объема образцов, даже не самыми экзактными методами. Была рассмотрена роль образования, приходящего с возрастом жизненного опыта /включая и начитанность/, ощуцаемой по роду занятий общественной позиции, мировоззрения /т.е. религиозности/, стоимостной системы и читательского горизонта, влияющих на восприятие мужских и женских ролей. В какой степени все они, вместе взятые, смогут объяснить из разности читательского отношения, связанного с романом, это и в дальнейшем остается открытым вопросом, ведь мы не смогли рассмотреть более основательно роль таких /едва-едва измеримых/ важных факторов, как личность, жизненный путь, чувствительность к трансценденции или восприимчивость к бытию.

1/ Мужские и женские роли

Среди мужчин несколько большей была пропорция таких ответов, как "замечательный" и "занимательный", а среди женщин больше таких, как "странный", "трудный" и "не совсем понятный".

Этот роман для читательниц, /к какой бы прослойке они не относились/ явился трудной задачей. Они гораздо чаще выбирали такие упрощающие трактовки, как "любовь все победит", "торжество любви и искусства над властью", "добро заслужит вознаграждения", "можно надеяться только на потустороннюю развязку", "в этом сумасшедшем мире ничто не на своем месте".

2/ Возраст, жизненный опыт

Из исследуемых возрастных групп это произведение, в первую очередь, понравилось читателям от 20-ти до 29-ти летнего возраста, но и среди них тем, кто постарше. На основании показателей успеха, роман понравился одинаково - но, конечно, не так же - подросткам и читателям старше сорока лет. В этих двух группах читателей, давших о романе отрицательный отзыв, гораздо больше, чем в остальных возрастных группах. Среди хвалящих роман без оговорок читателей 20-29-летнего возраста гораздо больше, чем читателей младше и старше этого возраста.

На читателей, старше 40-летнего возраста этот роман подействовал намного слабее, чем на остальных. Вероятно из-за их различного вкуса и стоимостной системы.

Мнения учащихся средних школ, составляющих наибольшую часть подростковой группы, отличались от остальных, в втрое большей пропорции, в первую очередь ответами "не понимаю", но и в наименьшей пропорции ответом "развлекал".

Трактовкам большинства учащихся средних школ присуща инфантильность. Это ничем так хорошо не характеризуется, как тем, что среди двадцати одной возможной трактовки читатели этой прослойки выбрали больше всех и отвергли меньше всех трактовку, согласно которой мысль романа - это верность Маргариты и ее приверженность к непризнанному герою и, характерным образом в этой прослойке самыми популярными являются также и такие трактовки, как "любовь все победит" и "добро получит вознаграждение".

3/ Образование

Поскольку это измерение во всей его полноте было представлено в нашем исследовании, ведь даже и часть квалифицированных рабочих имела среднее образование, то на самом деле мы смогли сопоставить только читателей со средним и высшим образованием. Образование /которое, хотя и не совпадает с просвещенностью и начитанностью, но, исходя из которого, можно сделать прикидку и на них/ даже и так оказало большое влияние на оценку романа. Насколько роль этого фактора не имеет первично определяющей силы, нагляднее всего подтверждается тем, что среди читателей, отвергающих роман, помимо квалифицированных рабочих в значительной пропорции фигурирует и техническая интеллигенция.

4/ Гуманитарная и техническая направленность

На основании показателей успеха между двумя группами читателей с высшим образованием ошутимой разницы не было, в мотивировке успеха нами уже регистрировались значительные расхождения между гуманитарной и технической интеллигенцией. В ответах гуманитарной интеллигенции чаще обычного фигурировали следующие элементы: универсальные вопросы, многогранность, форма и новизна; а в кругу технической интеллигенции: ирония, критика общества, смесь сказки с действительностью, изображение людского поведения и стиль.

В оценке и трактовке действующих лиц гуманитарная и техническая направленность оказались фактором, влияющим сильнее, чем образование и возраст.

Встряхивающее - укрепляющее - вероятно во многих случаях катартическое - действие романа у гуманитарной интеллигенции проявляется наиболее односмысленно, но довольно часто оно встречается и в кругу филологов. Довольно характерно то, что в среде филологов элемент эффента "расстрогал" фигурирует реже обычного, а "потряс" - чаще. Среди технической интеллигенции прослеживаются две массивные подгруппы: одна из них наслаждалась романом, а вторая скорее мучилась от него. /Вопрос, над чем так хорошо развлекалась первая группа, естественно, подлежит более позднему рассмотрению/.

С двенадцатью читателями-инженерами мы смогли познакомиться более тщательно и пронаблюдали, что и их, связанная с литературой, направленность, сильно пронизана управляемостью действительностью, логическим, обдуманым, целенаправленным отношением, а также и то, что информацию они пытаются получить на иррациональнейшим образом, с затратой минимальнейших усилий.

5/ Стоимостная система, мировоззрение

Относительно эффента романа довольно сильным в группах читателей с различной стоимостной системой оказалось единогласие. На круг читателей с динамическим жизненным принципом роман подействовал почти также, как на преобладающее большинство. Среди читателей с надежным жизненным принципом выше обычной /48 %/ была пропорция тех, кого роман Булгакова развлекал и ниже обычной - тех, кого он заставил занять позицию и меньшей, кого обогатил знаниями, перед кем раскрыл новые зависимости, чье мировоззрение формировал. Читатели, отдающие предпочтение достоинствам личности, чаще обычного выбирали из возможных ответов такие, как "укрепил", "заставил занять позицию", "расширил мой кругозор", "освободил", "стимулировал к действию", "возбудил" и реже такие как "утомил", "разочаровал" и "раздосадовал".

В суждении о действующих лицах, в первую очередь в оценке и трактовке Ивана, а также в трактовке Иешуа и оценке двух заглавных героев, подход религиозных читателей больше всех расходится с остальными. Апокрифическая обработка библей-

ской истории, а также булгаковский вариант дуалистского воззрения, характерного для восточного христианства, смущали их меньше ожидаемого. Иешуа они видели прежде всего человеческим, репрезентантом любви в противоположность власти; в Маргарите - отвечающего за себя и приносящего жертву человека, а в Мастере - друга, создающего ценность, одинаково пассивного и слабого человека. В общем их трантовки действующих лиц были более оттененными, несколько более чувствительными к этическим моментам. Их разный подход, в первую очередь, объясняется несходными чертами их стоимостной системы, особенно чистая совесть, душевный мир, идея, вера, истина, почетная роль созидания.

Характерной специфичностью трантовок религиозных читателей является катарзис, представленный Иваном. Итак, в трантовках религиозных читателей одинаково хорошо ошутима ограничивающая и стимулирующая роль мировоззрения и, в этом случае кажется подтвержденным определение Г.В. Аллпорта об отношении религиозности и предубеждения, а именно, что религиозность - в зависимости от ее качества - может и укреплять и ограничивать предубежденность.

Множество признаков указывали на то, что восприимчивость к трансцендентности является предпосылкой, или во всяком случае способствует восприятию романа. Это, естественно, подтверждается не только случаем религиозных читателей: восприимчивость и открытость религиозных читателей к трансцендентности была довольно разнообразной. Среди них встречались такие, которые пятое измерение романа измеряли Библией и тезисами катехизиса в духе "богословского рационализма" или в духе догматизма, характеризующего именно Левию Матвею.

6/ Читательский горизонт, литературный вкус

Преобладающую часть нехудожественной литературы, читаемой безоговорочно хвалящими роман, составляют обществоведческие /в первую очередь произведения по философии, психологии, теологии, литературоведению, теории искусства и искусствоведению/, а - отвергающими - используемые ими в качестве орудия труда - специальные книги /в первую очередь книги по естественным наукам и "хобби"/.

В суждении о действующих лицах литературный вкус оказался сильно влияющим фактором. Особенно отличались от остальных суждения и трантовки тех читателей, в "формуле вкуса" которых /учитывая состав их любимых книг/ доминировала располагающая высокой эстетической ценностью современная и низким эстетическим достоинством удобочитаемая литература. Наибольшие расхождения регистрировались нами в восприятии Берлиоза, Воланда, Мастера, Маргариты и москвичей. Читатели "современного" вкуса /например, предпочитающие произведения Апдайна, Джойса, Фолкнера, Камю, Голдинга, Кафки, Т.Манна/ в Воланде, в первую очередь, видят носителя человеческих ценностей, духа критики и диалектики, в Маргарите - человека, отвечающего за свои чувства, в Иване - духовного наследника Мастера, в Берлиозе - догматика, а в москвичах - одинаково жертв и виновников сталинизма. Читатели со вкусом "легкого чтения" /например, отдающие предпочтение произведениям Митчелл, Кронина, Кнайта и Кюсэк/ едва замечают в Воланде представителя человеческих ценностей и критического ума, и считают Мастера - талантливым, но не способным к действию, мечтателем и трусом, Иешуа - мечтателем, Берлиоза - бюрократом. Читатели, проявляющие особую чувствительность к юмору и иронии /увлекающиеся произведениями Гашена, Ильфа и Петрова, Франса, Свифта/ выделились среди других в суждении о Берлиозе: они считают его полубообразованным, злоупотребляющим своим положением бюрократом и догматиком.

Активная и пассивная направленность, связанная с литературой, как с художественным произведением, оказалась фактором, влияющим сильнее, чем архитектоника литературного произведения и литературный вкус. Читатели эпикурейской, утилитаристской направленности, чаще обычного, или намного чаще, заявляли, что роман их утомлял, пробуждал в них страх, вызвал у них разочарование и расстроил их. Зато меньший их процент относится к тем, кого этот роман развлекал сильнее обычного /развеселил, освежил/. Из этого мы можем сделать вывод, что роман Булгакова удовлетворил также и запросы той части читателей, которая в литературных произведениях ищет возможности забвения, приятности или спасения, однако утилитаристская, рациональная - я бы сказал берлиозская - читательская направленность явилась очень серьезным, почти непреодолимым препятствием не только к наслаждению романом, но и к утилизации его ценностей.

Среди тех, кого этот роман утомлял, в большей среднего пропорции находились такие читатели, которые никогда не чувствовали, что их жизнь не имеет смысла, которые еще никогда не теряли веру в самих себя. В противоположность этому у тех, которые довольно, или очень, часто чувствуют, что их жизнь бессмысленная и, что они ничем не лучше заураженных людей, намного чаще фигурировали такие элементы эффекта, как "освежил", "укрепил", "расстрогал", "побудил к действию", что однозначно указывает на благополучный прием и на более глубокое и вероятно катарзисное влияние. Тут речь может идти не просто о том, что на пессимистов этот роман повлиял лучше, чем на оптимистов, ведь те, у кого роман вызвал горечь, почти без исключения были людьми, считающими мир в основном плохим. Что кажется несомненным - безоблачный оптимизм, слишком самоуверенная и рациональная направленность не особенно способствовали существенному диалогу между романом и читателем. Повидимому и то, что на эффект романа энергично действует не самоуверенность и ее отсутствие, вероятнее всего, что восприимчивость к проблемам, поиск смысла жизни с переменным успехом, сознательное переживание неопределенности, т.е. потребность в толковании бытия и страдание, делающее человека более чувствительным, "хождение по мукам" вот, что создало более благоприятные условия для того, чтобы роман подействовал на читателя.

У1. ЭПИЛОГ

Мы смогли проследить восприятие и чтение такого романа, у которого нет разгадки, над которым можно раздумывать. У него нет аллегорически скрытого значения, которое читатель может заметить или нет, понять или нет, трактовать так или иначе, но у него есть наглядно отображенное моральное содержание, которое читатель может обнаружить, с которым может вступить в конфронтацию. В "открытом романе" такого типа читатель может найти свой роман скорее обычного. Наше исследование подтверждает, что многим читателям удалось его найти, не смотря на то, что это произведение в целом не очень походило ни на одно из их предыдущих чтений. Даже читавшие его, как любовный или исторический роман, как картину общества или как нравственную притчу, и те заметили что-то из всего целого и они выучили по крайней мере несколько слов, а может быть и несколько предложений на булгановском языке.

Подтвердилось, что это произведение не совсем пригодно для "утилитаристского потребления", т.е. приобретения знаний, для принятия его в качестве рецепта, для просвещения и перевоспитания читателя. Зато этот роман пригоден для того, и в случае многих читателей это подтвердилось, чтобы читатель смог познакомиться с новыми способами коммуникации, чтобы он испытал случайность собственной точки зрения, его узкий угол раствора, историчность, а также для того, чтобы он, сознавая свою условность, кое-что изменил в своем мировоззрении. Он пригоден - одинаково для читателей, знающих литературный язык на уровне начинающих и успевающих - для того, чтобы, помимо исполнения желаний играть стимулирующую, катализирующую роль в формулировке желаний, в формировании представления о себе, о человеке, о мире и о будущем - и во многих случаях таким и оказался роман Булганова.

Часть читателей едва была способна к соблюдению определенной дистанции между произведением и читателем. Слишком приблизившись к нему и оставшись от него слишком далеко, они были не способны к схватыванию литературного текста. Даже большая часть тех читателей, которая налаживала существенную связь с этим произведением, скорее осуждала, чем анализировала; и все же мы имеем право предположить, что это произведение и так более или менее проникло в "прорехи их стоимостной системы". Более серьезный шанс к перестройке стоимостной системы имелся у тех, чью стратегию чтения можно было зачислить в аналитико-обобщающую категорию, там, где анализ и обобщение проводились не настолько в морализирующей или психологизирующей /в крайнем случае занимающейся душевными излияниями/ плоскости, а скорее с онтологической, социологической и этической точек зрения.

Поведение читателей позволило ощутить, каким стимулом может стать для них доведенное до сознания недоразумение. Мы видели упорно защищающегося, любой це-

ной рационализирующего, селективно наблюдающего, сочиняющего свой роман, жаждущего положительного Героя и хорошей концовки читателя, который между этим по неволе становится частью такого события, окончательный исход которого не редко бывает катартическим, впечатлением, означающим одновременно эмоциональное и интеллектуальное потрясение. Мы смогли почувствовать, что в отдельных случаях для процесса чтения и восприятия характерным является приспособление, в других случаях - борьба, иногда для него характерны просветление, но больше всего, пожалуй, "обживание" романа.

Роман "Мастер и Маргарита" является выдающимся событием в венгерской истории чтения. В Венгрии этот роман произвел максимальное впечатление, гораздо большее, чем это можно было предсказать. В приеме романа в Венгрии проявляется множество консенсов, в первую очередь в его эмоциональном восприятии, да и в трактовке. Среди преломляющих консенс /рассмотренных/ факторов, в первую очередь следует упомянуть различие литературных горизонтов, жизненный опыт /и его отсутствие/, общественное положение, характеризуемое образованием, а также и занимаемой рабочей должностью, чувство юмора и иронии, мировоззрение и интегрированную личность.

Ответом на вопрос, в чем заключался секрет успеха, является вся моя книга. Я много раз ссылаясь на то, что он мог быть связан со значительным политическим и моральным жизненным опытом, возникшим в довольно сложной формальной структуре. На вопросы, как прочен будет успех романа и, насколько успеху произведения помогает его мода, мы пока еще не знаем ответа. Несомненно, что серьезную роль в моде и успехе этого произведения играл тот пробел в информации, заполнить который помогло и это произведение, заменив собой и урок истории. Серьезная роль принадлежала - характерному для семидесятых и все более возрастающему к восьмидесятым годам - интересу к религии, Библии и трансценденции, а также возрастающей пропорции "предевангелизирующих". Роль играли "новизна" этого произведения "таинственность" его появления и отмена вето. Естественно, успех произведения и круг его читателей расширился и благодаря тому, что, несмотря на своеобразность его формы, для многих он был, с большими или меньшими трудностями, читаем как традиционный "исторический роман", "любовный роман", изобличительная сатира и как книга с хорошей концовкой. Не мешает подчеркнуть также и его укрепляющие и расслабляющие напряженность, возбуждающие и отличающие его читателя от других, функции. Под конец, нам нельзя забывать, что этот роман мог явиться замечательной возможностью и для конфронтации и толкования бытия.

На вопрос, какая группа современного венгерского общества, я не смог бы дать такого ответа, который изложил бы общественную прослойку, описываемую социологическими средствами. Мой ответ: те читатели, которые соответствовали выше перечисленным условиям. Эта прослойка характеризуется, естественно, резко выраженным наличием определенных общественных и профессиональных групп и заметным отсутствием отдельных групп. Исследования этого романа, так кажется, подтверждает предположение Габора Боньхаи, согласно которому общественная определенность эстетической чувствительности намного слабее общественной определенности просвещения.

И при изучении восприятия романа, мы могли почувствовать, что жизнь человеческой личности, как это определяют Бюргер и Ланманн - не полностью носит общественный характер, восприятие и влияние художественного произведения не могут объясняться лишь общественными факторами не только из-за несовершенства социологических и психологических средств измерения, а и потому, что эта область явлений переходит и в другие сферы, где общественные закономерности не действительны. Из этого следует, что нельзя полностью, во всех случаях объяснить исключительно большое или неожиданное влияние романа на таких читателей, у которых, в их предыдущих чтениях, не было приблизительно похожих на него произведений, или на таких читателей, которые проявили пассивное отношение к литературе и искусству. Естественно, и из этих тайн можно разгадать многое, а на многое пролило свет и это исследование, например на то, что у читателей, ожидающих от произведения забвения, приятностей и спасения, это произведение имеет больше шансов, чем у читателей утилитаристской и рациональной направленности. Подтвердилось, что безоблачный оптимизм не благоприятствует особенно существенному диалогу между романом и читателем, но меланхолическое душевное состояние является намного меньшим препятствием для разговора. Подтвердилось, что восприимчивость к проблемам, поиск смысла жизни с переменным успехом, страдание, делающее человека еще более чувствительным к страданиям других и к

его художественному изображению, сознательное переживание крайних ситуаций "хождения по мукам", т.е. потребность в толковании бытия может создать более благоприятные условия для восприятия и эффекта романа. Иными словами: интегрированные личности могут включиться в разговор с большим успехом.

Следующая за первичной социализацией детского возраста, вторичная, которая вводит, уже "поставленную на рельсы", первично социализированную личность во все новые и новые сферы жизни, часто может иметь серьезную и решающую роль в превращении, ставшей предметной, действительности в интимную, т.е. в восприятии художественных произведений, как мы могли это видеть на примере "Мастера и Маргариты". Естественно, два вида социализации могут столкнуться /а могут столкнуться и формы вторичной социализации различных источников/. Столкновением иногда может быть и катартическое впечатление, это мы также могли наблюдать в кругу читателей "Мастера и Маргариты". Можно было наблюдать и то, что значительную часть читателей эти вопросы поколебали, т.е. сдвинули с места, многих укрепили. Они укрепили их по принципу "у кого есть - тому дается". И поскольку это только частично носит общественный характер и измерять так было невозможно, то мы могли только почувствовать и предугадать вызванный произведением катарзис как его формирующие личность, как освещающие новые ценности, так и дающие ошутить наши пределы видоизменения. Вероятно, что именно этот, дающий нам почувствовать наши пределы катарзис является отличающейся от других произведений особенностью эффекта романа "Мастер и Маргарита", т.е.ощущением и соответствующей нашей личности переформулировке соотношения пределов и свободы.

OSZK

Országos Széchényi Könyvtár

OSZK

Országos Széchényi Könyvtár

OSZK-KMK 1985/2.

Munkaszám: 85 163

963 201 234 8

OSZK

Országos Széchényi Könyvtár

